

A man and a woman are walking away from the camera on a city street at sunset. The man is in the foreground, wearing a dark t-shirt and blue jeans, with his hands in his pockets. The woman is further ahead, wearing a white long-sleeved shirt and a light-colored skirt. The background shows a city skyline with buildings and streetlights, and the sun is low on the horizon, creating a warm, golden glow.

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА

ВСЕ
НАШИ
РАЗНИЦЫ

Оксана Алексеева
Все наши разницы
Серия «Романтика с
веселой приправой»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70343665*

Аннотация

Дмитрий Жуковский – самый ужасный студент из всех, кого я когда-либо учила. Я считала дни до выпуска этого харизматичного гада, пока он вдруг не объявил на меня охоту. Мало мне богатого избалованного мажора, который привык получать всё по щелчку пальцев, ещё и его отец ведет свою игру. Теперь я оказалась между двух огней и точно не выберусь без потерь. Но как объяснить тому, кто ничего не боится, насколько мы разные?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Оксана Алексеева

Все наши разницы

Глава 1

Говорят, у хорошего педагога нет любимчиков. Значит, я плохой. Как и все сотрудники нашей университетской кафедры. Любимчиков, конечно же, быть не должно!.. Но если вдруг за чашкой чая заходит разговор, то как-то неизбежно мы скатываемся к восхвалению одного третьекурсника с бухучета – он как отдушина для уставших нервов преподавателей, олицетворение того, что наша работа еще кому-то нужна. У парня огромные способности к науке и, надеюсь, блестящее будущее, а нам остается лишь радоваться сопричастности к огранке такого бриллианта.

Однако сегодня его появление перед моим столом вызвало легкий всплеск раздражения. Понятное дело, что мои консультации назначены именно на семь вечера по четвергам, но в середине сентября редко кто из учащихся приходит. Обычно в выделенное время я занимаюсь своими делами и ухожу домой. Студенты, желающие задать вопросы или пересдать какую-нибудь контрольную, повалят толпами ближе к декабрю, а почти в начале учебного года сюда заглядывают единицы – разве что редкие заблудившиеся заочники

или ошалевшие от правды жизни должники с летней сессии. До некоторых экземпляров только теперь доходит, что осенний призыв – не выдумка родителей для устрашения нерадивого дитятка, а самое очевидное последствие халатного отношения к учебе.

Сегодня же появился этот круглейший отличник с черновиком курсовой, срок сдачи которой только через два месяца! Сидит теперь такой, привычно краснеет и всем видом словно извиняется, что побеспокоил меня как раз в то время, когда студенты имеют полное право беспокоить своих преподавателей.

– Анна Андреевна, – Евгений всегда говорил так, будто сам себя стеснялся. – Пожалуйста, посмотрите структуру. Есть ощущение, что я не в ту степь ушел.

Открыла оглавление, вчиталась в названия параграфов и перелистнула на вторую главу. Завкафедрой еще даже темы курсовых работ не утвердил, а Латов уже накатал целый кирпич! Куда так спешит? Посидел бы, подумал месяц-другой, а там, глядишь, и не переживал бы сейчас о преждевременном результате. У него же уникальный ум, начитанность и ответственность – мы потом его курсовую будем полвека показывать будущим поколениям как образец идеальности.

Положа руку на сердце, причина моего плохого настроения заключалась вовсе не в Евгении. Если уж совсем начистоту, то он один из немногих лучиков света в последнее время. Именно поэтому я не позволила раздражению про-

мелькнуть даже во взгляде: таких ребят надо холить, лелеять и всячески поддерживать. Когда черная полоса станет беспросветной – возможно, моя психика зацепится именно за такого студента и на том устоит. А нервы могут сдать у каждого. Судьба уже примерно месяц буквально испытывает меня на прочность неприятными сюрпризами.

Началось все с ужасного и каким-то образом неожиданного события – мне стукнуло тридцать. Я, вероятно, не обратила бы никакого внимания на этот счетчик, если бы мне о том бесконечно не напоминали. Оказалось, что это знаковое событие и зальет новое топливо в родительские чаяния. Они мгновенно дали мне возможность прочувствовать разницу между «Тебе почти тридцать, сколько можно ерундой страдать?» и «Аня, что ты творишь?! Ты уже четвертый десяток разменяла!». Почему-то ни у кого из моей родни не вызывал уважения тот факт, что год назад я защитила диссертацию и получила должность доцента. По всей видимости, им гораздо важнее, что моя matka безвозвратно одряхлела – и с каждым следующим днем хоронить ее будут с нарастающей помпезностью. Подобные кошмарные кошмары проще всего переживать в одиночестве, но мы собираемся всей семьей у родителей по субботам – это их безусловное требование, а обижать стариков из-за такой ерунды, как собственная самооценка, непозволительно.

Почему-то моя непростительная халатность в обустройстве личной жизни стала выглядеть еще бóльшим преступ-

лением на фоне счастья младшей сестры. Юля и Сергей уже пять лет женаты, двух детишек завели. И на такого зятя моя мама готова молиться круглосуточно. Хотя когда они только встречались, родители относились настороженно – им не нравилось, что ухажер старше дочери на десять лет. Но Сережа смог их переубедить: владелец собственного небольшого бизнеса, достаточно обеспеченный человек, он был всегда нежен, внимателен и щедр с Юлькой. Носит жену на руках, а уж после того, как она подарила ему двух замечательных сынишек, стал любить ее еще сильнее. Дом – полная чаша, замечательный муж и отец, обзавидоваться и умереть на месте. Со дня их свадьбы мне почему-то пришлось отвечать на странный вопрос: почему же я настолько ленивая и не отыскала себе супруга, похожего на Золотого Сереженьку. Вначале я отвечала, что Юлька просто красавица – красавицы разбирают лучших, а уродинам остается то, в чем даже копаться зазорно. Мать скептически поджимала губы. На самом деле, мы с сестрой очень похожи, даже прически носим одинаковые – длинные каштановые волосы считаются нашим семейным преимуществом. Я немного выше, а Юлька после двух родов и при очень размеренной жизни заметно раздобрела, поэтому теперь моя стройность в сравнении бросалась в глаза, а разница в нашем возрасте стала неочевидной. Видимо, по этой причине мать и не посчитала аргумент стоящим.

Тогда я начала отшучиваться – дескать, судьба такая: од-

ним все, а другим ничего, Юлька израсходовала всю удачу, которая на двух сестер выделялась. Но отец, которого коробило от любых разговоров о предначертанности, тотчас отрезал: «Чушь собачья! Как легко прикрывать лень какой-то судьбой, гороскопами и магнитными бурями! Вот мы в наши годы не ныли, а делали!». Странно, что отсутствие личной жизни он случайно назвал ленью, но я не спорила. Потому что в его словах улавливался грамм правды: я действительно была сосредоточена на своей работе – обожала ее, хотела достичь успехов, и потому всегда предпочитала посидеть над книгами, а не бегать на глупые свидания. И где, по их мнению, я должна найти кавалера? На моей кафедре все мужчины женатые, а на улицах давно не принято знакомиться. Когда мы выбираемся куда-то с приятелями, то заиклены на болтовне друг с другом. В конце концов дошло до того, что семейство начало от меня требовать регистрации на сайте знакомств. Пока удавалось только не дергать глазом и повторять, что там сидят одни маньяки, но рано или поздно анкету создадут вместо меня. После тридцатилетия начало казаться, что правильнее быть убитой каким-нибудь извращенцем, чем в таких преклонных годах называться незамужней. Со дня на день мне положено стать седой старухой, а на нужной странице в паспорте еще конь не валялся, стакан воды на следующей неделе будет некому подать – но я, видите ли, регистрациями на сайтах брезгую! Буду так себя вести – может и тридцать один исполниться, а тогда уже все пропало.

Неприятностей добавилось с началом учебного года, когда вдруг изменили расписание и в число моих групп включили старший курс финансистов. Сплавили, конечно, как самому молодому доценту. Ассистентов и старших преподавателей в эту мясорубку кидать страшно – даже косточек не останется. А более именитых и возрастных жалко. Я оказалась несчастливой серединой, на кого и пал выбор.

Если у педагогов все же есть любимчики, то обязательно существуют и их антиподы: в нашем универе ими, по негласному мнению, являлась именно эта группа. Не удивлюсь, если некто злобный провел социальный эксперимент: собрал по всей стране самых неприятных молодых людей и запихнул в один коллектив. Или же они просто за несколько лет так сплотились, что стали друг на друга похожими, заразившись худшими чертами. На этой специальности обычно учится золотая молодежь – все платники, ни одного стипендиата. Но как-то сложилось, что даже тот, кто не вышел из богатой семьи, со временем перенял манеру поведения костяка. Они не дураки и не лентяи, большинство прекрасно осознает, что сразу после получения диплома понадобятся реальные знания на настоящем производстве, где уже с младенчества им определили солидные должности. Однако от этого еще хуже – с глупыми учениками образовательный процесс выстраиваешь иначе, но работа понятна. Намного печальнее, когда умные студенты вовремя все сдают, к экзаменам готовятся, но ни во что не ставят преподавателей. Мы

для них obsлyгa, низший класс, и именно на нас они тренируют навыки будущих хладнокровных начальников и хозяев жизни.

К сожалению, их поведение обычно балансировало на грани хамства, но никогда не заходило так далеко, чтобы поставить вопрос об исключении. У многих моих предшественников был огромный соблазн завалить хоть одного из этой адской группы, тогда до его товарищей наконец-то дойдут возможные последствия, но так никто и не решился. Не для того мы выбирали свою профессию, чтобы от душевной слабости или усталости согласиться на очевидную несправедливость. В итоге весь профессорско-преподавательский состав просто терпеливо дожидался, когда эту группу выпустят и попытаются забыть как страшный сон. Остался последний год – сушaя ерунда! Для всех, кроме меня, на кого в последний момент перекинули эту дисциплину. Теперь количество нелюбимых дней в неделе у меня заметно прибавилось: в субботу родительская головомойка, называемая теплым семейным ужином, в понедельник – лекция у финансистов, в четверг – у них же семинар. Как раз сегодня один провела, что не могло не сказаться на настроении. Если бы не вечера пятницы, которые мы всегда проводили с друзьями, я определенно свихнулась бы.

А вчера меня еще черт дернул заглянуть в студенческий паблик в соцсети, где наши учащиеся анонимно скидывают все, что им приходит в голову. Понятно, что эти потоки со-

знания и ругательств предназначены не для преподавателей, но я там состояла с тех пор, когда сама училась. После создала новую страницу с настоящим именем, а мой старый ник в составе участников значился как «Аннет Питт», то есть я оставалась немым и анонимным свидетелем продуктов студенческой жизнедеятельности. Живучее оказалось сообщество – наверняка админство передается следующим поколениям, а желающих высказаться лишь прибавляется. И не всегда их откровения льются бальзамом на душу, хотя бывает и такое.

Упоминания о себе я распознавала сразу, хотя редко кто упоминал «Анну Андреевну Крамскую» именно в этой формулировке. Нет, студенты придумывали разные прозвища. Я была «Анкой-пулеметчицей» для тех, кому зарубила автоматы. «Анькой Зачетной» меня называли те, кто в прошлом году решил, что к моему зачету можно не готовиться, и потом здорово об этом пожалел. «Обухом-по-Крамской» – те, кто завалил экзамен. Кроме проклятий в мой адрес, попадались, конечно, и сомнительные комплименты. Я бы порадовалась, если бы в них слова «жопка» и «сиськи» звучали не так часто. Странно, что многих студентов так интересовал размер моей груди – я всегда одета в строгий пиджак и наглухо закрытую блузку. Откровенной одежды не ношу, но о длине своих ног тоже узнавала из анонимных постов. Возможно, в каком-то примитивно-бытовом смысле эти недоросли считали меня очень симпатичной, но сходились в одном мнении

– пучок на моем затылке их ужасно бесит. После того, как прочитала об этом, стала затягивать волосы еще туже. Пусть знают, гормональные камикадзе, что не для них я фамильную роскошь отращивала!

Заглядывала я туда нечасто – и всегда в тайной надежде на каплю позитива. Таковой встречался: иногда студенты хвалили, как я читаю лекции, нередко комментировали чужие посты примерно следующим: «Да прекращайте на нее бочку катить. Анька строгая, но справедливая! Не то что...» – после этого обычно начинались выпады в сторону другого преподавателя. Оттуда же узнала, что меня многие воспринимают едва ли не ровесницей. Первокурсники всерьез удивлялись, что я уже семь лет преподаю. Это было бы приятно, если бы не мгновенный переход на пошлые шутки в мой адрес. Уважение проскальзывало, но было скорее исключением, чем правилом, и обычно исходило от студентов-отличников. Ясен пень, что отстающим проще обозвать учителя или дать простор фантазиям, чем искать причины в себе. Я никогда ничего в той группе не писала – боялась, что в нике «Аннет Питт» кто-нибудь из старичков вспомнит меня. Подозревала, что такими же тайными наблюдателями там присутствуют многие из моих коллег – и тоже не выдают себя ни единым лишним словом. Это ведь такая мазохистская игра, из которой добровольно не уходят. Мы заглядываем туда за одним хорошим словом, а покидаем чаще всего в страданиях. Но через месяц-другой возвращаемся, чтобы посмотре-

реть, не упомянули ли нас снова.

Вчера я не нашла в той группе ни одного поста о себе, и это тоже непонятным образом ухудшило настроение. Видимо, даже студенты подсознательно почувствовали, что «Анке-пулеметчице» стукнул тридцатник – хватает молодых, чтобы обсуждать их.

И вот теперь на кафедре перед моим столом сидело светлое пятнышко в темной полосе – Евгений Латов. А я просматривала черновик и молча ругала себя за то, что первой реакцией на его приход было раздражение. Разве он хоть в каком-то из вышеперечисленных пунктов виноват? Умный, приятный во всех отношениях. Кстати говоря, и внешность у него располагающая, пусть красавцем вряд ли кто-то назовет. Тяжелая оправа очков не слишком подходит тонкому лицу, но в будущем Евгений будет хорошо зарабатывать и подберет другую. Еще на первом курсе весь его подбородок был усеян прыщами, но теперь кожа почти разгладилась – через год-другой он и не вспомнит об этом недостатке. Высокий, но сильно сутулится. А застенчивость ему даже идет. Она вообще стала какой-то уникальной чертой в этой толпе расхлябанной и слишком самоуверенной молодежи.

Я подняла лицо, посмотрела ему в глаза и задумалась, как лучше сказать. Будь на его месте любой другой студент, просто похвалила бы и отправила дописывать, но Латов был достоин максимальной честности:

– Евгений, предлагаю полностью изменить содержание. А

может, и тему курсовой усложнить. Вы можете доработать и этот материал, защитите на отлично, не сомневаюсь. Но это не ваш уровень – много компиляции, мало анализа. Да, это займет время и обидно столько труда перечеркивать, зато есть плюс. Если сейчас постараетесь сделать то, что я предложу, то потом сможете использовать курсовую при написании диплома. Это претензия на пятерку, – я ткнула пальцем на распечатку, – но вы способны написать на десятку.

Он уставился на меня распахнутыми глазами, словно не мог сообразить, о чем я говорю. Потом резко опустил голову, на его скулах проявились некрасивые красные пятна, а подбородок задрожал. Вскочил, принялся суетливо, сминая листы, закидывать черновик в пакет, а потом метнулся к выходу, давая из себя неловкие извинения.

– Евгений? – ошарашенно окликнула я.

Студент не услышал. На кафедре были и другие преподаватели, которые теперь так же настороженно уставились на дверь. Мария Игнатьевна удивленно уточнила:

– Анна Андреевна, боже, что вы ему сказали? Женечка – очень хороший мальчик...

А я сама не поняла, чем так сильно его расстроила. Но сейчас не стала вспоминать каждое свое слово, а понеслась к выходу. Догнала его уже на крыльце.

– Евгений! Евгений, подождите!

Парень будто меня не слышал, он судорожно вытирал пальцами нос и упорно шел дальше. Но через несколько ша-

гов я смогла схватить его за локоть и остановить. Он не сопротивлялся, но прятал покрасневшее лицо и блестящие глаза. Мне было безразлично, в чем именно моя вина, но я приготовилась извиняться даже за то, чего не делала. Потому схватила его и второй рукой, слегка встряхнула и поинтересовалась:

– Евгений, вы в порядке? Неужели так близко к сердцу...

Он перебил меня:

– Нет-нет. Простите меня, Анна Андреевна, я переделаю. Простите, пожалуйста, исправлю... Спасибо вам. До свидания, Анна Андреевна.

Его состояние однозначно говорило об одном – дело вовсе не в курсовой. И просит прощения он не за нее, а от неловкости, что не смог попроситься как следует и заставил меня за ним бежать. Но я сжала пальцы крепче и все еще пыталась заглянуть ему в лицо.

– Евгений... Женя, у тебя что-то случилось? – Я никогда до сих пор не тыкала студентам, но сейчас переступила через привычку, лишь бы услышал.

Через несколько секунд он кивнул и зажмурился. А потом шепотом запричитал:

– Простите, Анна Андреевна. Сам не знаю, что на меня нашло... Не думал, что так получится...

– Да что стряслось, Женя? – я уже прикрикнула.

И после нескольких повторений вопроса наконец-то получила ответ:

– Мама заболела, – парень шмыгнул покрасневшим носом. – У меня только мама, понимаете? Я так сильно старался, так учился, чтобы потом о ней позаботиться. А если ее не будет, тогда зачем все это? Ради чего продолжать жилы рвать?

Я отступила, а лицо поползло вниз. Как я посмела считать свои неприятности важными? Да вся моя «черная полоса» – ерундовая дымка, ведь я даже близко ни с чем подобным не столкнулась. Почувствовала отвращение к самой себе за первую реакцию и что из-за какой-то личной чепухи не сразу уловила нечто настолько серьезное. Учитель обязан быть более внимательным.

– Рак? – предположила я.

Догадка оказалась верна – он поморщился и сказал:

– Начнут делать химию в следующем месяце... там будет понятнее. Но я даже не знаю, как за ней ухаживать.

Я вздохнула.

– Так ты поэтому спешил курсовую сдать? Чтобы потом было больше свободного времени?

Он не ответил ничего, развернулся и поплелся дальше. Но отстать от него на такой ноте я не имела права. Вновь настигла и заговорила как можно строже, снова вспомнив, что передо мной студент:

– Евгений, давайте сюда, я посмотрю еще раз. – Нагло вырвала у него из слабой руки пакет. – И скиньте мне файлом. Тут уже практически готовая курсовая. Вы меня слышите?

Так слушайте дальше! Сейчас вам обязательно надо подумать о маме и о себе, а учеба подождет. У вас такой послужной список, что все закроют глаза на задержки – вы ведь это понимаете?

– Дело не в задержках, – прохрипел он. – А в смысле. Анна Андреевна, пожалуйста, не идите за мной, и так стыдно.

Я, наоборот, схватила его за локоть мертвой хваткой. Да из него же получится прекрасный специалист – чем бы ни решил заниматься! Но сломаться человек может даже на мелочи, а в его случае речь идет не о мелочи, а о глобальном переосмыслении. И сейчас не стоит говорить о том, что его старания – для него же самого, а не для кого-то другого. Пусть даже для любимой мамы. Это работает не так – вряд ли бедной женщине нужны его жертвы, она определенно мечтает, чтобы сын был счастливым и успешным: с ней или без нее, это уже не так важно. Но Латов сейчас этого не услышит, поскольку все его мысли завернулись в безвыходный цикл. И потому я начала говорить совсем другое:

– С чего вы вообще взяли, что ваша мама умрет? Неужели не слышали, сколько людей успешно лечатся и живут долгие годы? Но если она будет видеть вас в таком состоянии, то ей будет труднее. Ей сейчас силы нужны, поддержка, вера в хороший исход, а не эти сопли! Евгений, вы понимаете, что именно вы можете ей больше всех помочь? Даже если все врачи скажут, что шанса нет, а вы будете упрямо надеяться – она поверит вам, а не им! Так что забудьте на время о

курсовых и занятиях, эти хвосты вы догоните быстрее всех остальных.

Мой вдохновляющий монолог привел к одному результату – студент окончательно расклеился, из глаз хлынули слезы, парень стянул очки, бездумно сунул в карман, чтобы как можно скорее вытирать щеки. И продолжал за что-то извиняться:

– Простите. Я все это знаю... При ней держался, а тут накатило... Позорище-то какое...

Вот дурак. Какое позорище? Да кто на его месте вообще смог бы бесконечно держать эмоции в себе? Но и рыдания его становились неуместно громкими – если парень заметит, как оглядываются прохожие, ему станет еще хуже. Не видя никакого иного способа переключить его внимание, я уверенно притянула эту сутулую оглоблю к себе и обняла, утешая:

– Женя, я сегодня поняла, что ты даже лучше, чем раньше казалось. Иногда человека прорывает – это нормально. Тебе нужно было сдаться, чтобы завтра стать сильнее. Эй, ну хочешь, я твою курсовую за тебя допишу и сама же себе защищу, а? Все равно ж тебе пятерку придется ставить – я тебя знаю!

Я все-таки вызвала у него болезненную усмешку и только после освободила от объятий.

– Не надо, я сам, – смущенно забурчал он.

Да я и не собиралась – на самом деле ожидала, что именно

так и ответит. Подобные светлые умы в любом случае хотят каждую свою победу получить собственными руками – им поблажки не нужны.

Мне пришлось его отпустить. Все-таки взрослый человек, хотя сейчас больше похож на маленького мальчика. В некоторых ситуациях мы не можем помочь. Разве что сказать правильные слова или молча постоять рядом. Я не врач, не родственница и не друг, с меня мало толку.

На обратном пути в университет разглядела в стороне троицу студентов. Андропова, заметив меня, просто проводила прохладным взглядом, Мельников и Жуковский даже не глянули в мою сторону. Огорчилась бы, но вовремя вспомнила, что с финансистами мы сегодня утром виделись, а им и один раз из себя приветствие выдать сложно – куда уж требовать повторное за день? Отрадно знать, что и самопровозглашенная элита иногда изображает, что учится. Одновременно это и их главный недостаток: имелись бы у них серьезные проблемы с успеваемостью, мы получили бы право ненавидеть их чуть очевиднее.

Вернувшись на кафедру, я объяснила присутствующим, что произошло у Латова. Мои коллеги – тактичные люди и профессионалы своего дела. Возможно, они смогут оказать поддержку лучше меня, не проявив лишней жалости. Или хотя бы не будут ругать Евгения за пропуски или нарушение сроков сдачи какой-нибудь работы.

С того неприятного четверга и началась какая-то новая

века моей жизни, когда прежнее начало рушиться на глазах, а другого не появилось. Но в ту эру я входила с уверенностью, что все на свете смогу – как всегда раньше могла. В тот угрюмый вечер я пока не знала, что мама Жени после лечения оправится, а этот супермарише еще и сессию сдаст на сплошные пятерки. Хотя догадывалась, что долгое время он будет посматривать на меня со стыдом, а потом наконец-то благополучно забудет свой эпизод слабости. Мы, люди, странные создания – иногда переживаем из-за чего-то незначительного, а надвигающейся катастрофы не замечаем, пока не становится слишком поздно.

Глава 2

– Эти звереныши уважают только грубую силу! – решительно заявила Ася. – Твою сдержанность они принимают за слабость, вот и дуреют!

С Асей и Мишаней мы сдружились еще в институте. Аслы – наполовину турчанка, смуглая брюнетка с очень запоминающейся внешностью: невероятно огромные глаза и довольно большой рот с пухлыми губами, чаще всего растянутыми в лучезарной улыбке. Такие лица впечатываются в память раз и навсегда, неизбежно привлекая внимание и вызывая противоречивые эмоции. У Аслы как-то все слишком, но именно это делает ее чрезвычайно яркой. Я так и не поняла, почему русский отец когда-то согласился дать дочери неблагозвучное в нашей среде имя – она рассказывала, как в школе ее дразнили «ослихой». Но почему-то имя в паспорте менять не захотела – и оно ей неведомым образом шло. Для исключительных людей простые имена не подходят. Тем не менее, мы, как и прочие знакомые, давно привыкли звать ее «Асей».

Родину матери она недолюбливала – на турецком языке не говорила, хотя на слух понимала, а ездила туда всего несколько раз навестить своих родственников. О тех путешествиях нам с Мишаней рассказывала только плохое: ей претили консервативные традиции, которых придерживались ее

бабушка с дедушкой. Так и заявляла, что если проведет с ними хоть месяц без передышки, то сама заразится этой проказой смирения: прятать взгляд перед мужчинами и помалкивать в тряпочку. Когда-то давно брак ее родителей осуждался всей турецкой родней так яростно, что те едва не сдались. Тогда отец Аслы бросил выгодную работу в Стамбуле, забрал возлюбленную и перевез в Москву. Но когда на свет появились дети, мужчина смягчился и позволил всем желающим общаться с многочисленной заграничной семьей. Однако почему-то ни Ася, ни ее брат туда не рвались. Другое воспитание, совершенно чуждая атмосфера – к подобному или с младенчества привык, или уже никогда не привыкнешь. Я понимала рассуждения подруги, но не разделяла ее категоричности. У ее бабушки и дедушки, дядей и теток, племянников и кузенов так заведено, что муж решает вообще все проблемы, а жена сидит дома и ни о чем не беспокоится. Такая жизнь и мне бы не подошла, но преимущества все-таки есть. Отчего-то кажется, что мои родители похожей судьбы для меня и хотели – никакой карьеры, вцепилась в мужика, зажмурилась и, не ослабляя хватки, так всю жизнь и прожила, ровным счетом ничего не решая.

– И что ты предлагаешь, Ась? – Мишаня обдумывал ее мнение. – Анютке этим звездунам по роже бить и матом крыть? Сразу докладную на нее накатают – и нашу дорогую Анну Андреевну из университета вышвырнут!

Мишаня еще в середине первого курса к нам присоседил-

ся, а мы с Асей и не хотели сопротивляться. В студенчестве он был неказистым – быть может, мы только из жалости с ним поначалу и общались. Невысокий, некрасивый, да еще и учился кое-как – полный набор. Но человеком парень оказался душевным и простым, потому наша дружба и сохранилась по сей день. Уже после универа все изменилось. Мишаня, едва-едва защитив диплом на трояк, не стал искать работу по специальности, а устроился в фитнес-клуб. Вначале пахал уборщиком, потом сидел на должности администратора, а затем обучился на тренера. Раскачался, возмужал, и его лицо теперь начало казаться невероятно правильным – у brutальных самцов и не должно быть на роже выписана изящная утонченность. Он будто долгие годы делал себя сам – и наконец сделал нечто такое, что вызывает у всех женщин отклик где-то на гормональном уровне. Но затем он принялся усердно компенсировать недостаток внимания, от которого страдал с самого детства, – и до сих пор не успокоился. Вот и сегодня притащил с собой то ли Иру, то ли Инну, то ли безымянную мадам губастой наружности. Мы с Асей давно перестали запоминать имена всех его одноразовых увлечений, все равно же в следующий раз Мишаня приведет или Олю, или Оксану, или черт знает кого. Да и обсуждать при них личные дела не стеснялись. На самом деле мы тайне злились на приятеля за его стремление знакомить нас буквально с каждой своей любовницей – похоже, победа не считается победой, если ее свидетелями не будут хотя бы

два человека. И по этой причине мы вели себя так, словно очередная девица не сидит рядом – пусть не почувствует себя своей.

– Вот именно, уволят! – согласилась я. – Хочу вести себя профессионально, а не как склочная бабища. Я мечтала быть преподавателем! А не дрессировщиком дикого зверья.

– Уволят – и замечательно! – Ася пожалала плечами. – К нам тебя сразу пристрою, у нас нехватка свежей крови.

После учебы наши дороги разошлись. Ася закончила универ с хорошими оценками, но поступала на наш факультет не по велению души, а по настоянию отца – он утверждал, что экономист нигде не пропадет. Сама же она вождедела популярности и собиралась стать телеведущей. Но в этот раз ее специфическая внешность сыграла не на пользу: на собеседованиях Асю долго рассматривали, хвалили дикцию и умение себя подать, но после долгих размышлений отказывали, ссылаясь на отсутствие профильного образования. А потом принимали на вакансию девушку с более стандартной внешностью и вовсе без диплома. Тем не менее наша торпеда смогла устроиться на крупный канал в группу сценаристов. И пусть в эфире не мелькала, но радовалась сопричастности. Подруге казалось, что работа на телевидении – самая интересная из всех возможных. Не то что какое-то унылое преподавание! Поэтому она уже несколько раз пыталась ненавязчиво меня переманить, хотя открыто мой выбор и не критиковала. Но после моей защиты закатила такую вечеринку,

как будто лично диссертацию написала и отправила в нокаут ученый совет. Это и объясняет, почему мы втроем так дружны: очень непохожие, а наши отличия собрались в приятный симбиоз, где всегда найдется тема для обсуждения из трех различных сфер.

– Да нельзя на них орать, – сообщила я хмуро. – Но каждый раз себя ругаю, что ответила недостаточно колко. Потом вечерами сижу и прикидываю, какой фразой могла бы поставить на место, хотя уже поздно.

– Кажется, тебе сегодня нужно еще винишка, – участливо предложил Мишаня.

Я отказалась. Каждую пятницу мы встречались в баре – обычно в одном и том же. Здесь было шумно, и обстановка располагала к тому, чтобы поделиться всеми новостями за неделю. Однако больше одного бокала сухого вина или кружки пива не заказывали, не в этом же смысл. За второй порцией мы отправим Мишаню в тот день, когда случится нечто такое, что без лишней дозы не переваришь. Наверное, в глазах друга я как раз уже достигла дна, раз предложил. Но в свое нытье о студентах-финансистах я не вкладывала особой подоплеки, на самом деле просто не накопилось иных забот, о которых можно весь вечер трещать.

А вот у Аси другое дело! Новый помощник режиссера, судя по сияющему взгляду, произвел на нее впечатление. Никуда малец не денется – рано или поздно начнет с ней встречаться, если она за него хорошенько возьмется. Потом,

понятное дело, разбегутся, ведь Ася любила своих мужчин лишь до тех пор, пока они не начинали строить планы на будущее. Она уже заранее выносила новичку приговор:

– Красавчик, глаз не оторвать! Но какой-то слишком нудный, вежливый такой, внимательный, рассчитывает все на неделю вперед, прям бесит.

Мишаня вклинил рациональное мнение:

– У тебя страх серьезных отношений, вот ты легкомысленных балаболов и предпочитаешь. Так сильно замуж не хочешь, что кучу блоков себе в уме настроила!

– А зачем мне туда?! – удивилась Ася. – Я рождена сиять, как стамбульское солнышко, а не прыгать через кольцо по команде муженька и загибаться возле плиты!

Мишаня громко расхохотался:

– Ты – не твоя бабушка. И тебе необязательно выходить замуж за своего дедушку. Очнись, ты родилась в Москве, тут полно женщин, которые даже из-под мужей сияют!

– А я вот хочу свадьбу... – зачем-то вставила со стороны то ли Ира, то ли Инна, о которой все забыли.

Мы удостоили ее снисходительными улыбками, но Мишаня недоуменно нахмурился – видимо, уловил подтекст, чьей именно невестой эта блондиночка согласилась бы стать. Но ей не светит, как не светило десятку до нее и не будет светить десятку после. Наш приятель когда-нибудь станет отличным семьянином – он чуткий, добрый и преданный. Вот только произойдет это после того, как ловелас закончит с этапом

самоутверждения. Нам с Асей эти его прыжки от одной одноразовой любовницы к другой тоже не нравятся, но протест мы можем лишь мягко высказать, а не давить изо всей силы. Никогда еще давление не приводило к тому результату, на который рассчитывают.

Поговорили и о его работе. Но почему-то очаровательный фитнес-тренер почти сразу переключился на критику наших невинных персон:

– Признайте уже обе – вам по тридцатнику! Нет-нет, – он остановил мой протест вскинутой рукой, – я не о том же, о чем постоянно говорят твои родители. Но время попустительства закончилось! Я оформил вам два абонементов в зал, учел ваши графики – и за шкурку притащу ту, кто будет отлынивать! – последнюю угрозу он адресовал Асе. – Красотки мои, бабенки мои обожаемые, вам обеим подфартило с генетикой, но если будете полагаться только на нее, то быстро обростете жирком и целлюлитом. Поэтому отказы не принимаются! Под моим руководством вы и в шестьдесят будете такими же очаровашками, ясно?

– Жирком? – Ася восприняла это как оскорбление. Возможно, причиной столь бурной реакции был ее небольшой животик, по поводу которого она немного переживала. – Да я тебе сейчас шею жирком намылю, качок ты самовлюбленный!

– Ты мой пресс видела? – парировал Мишаня. – Хочешь такой же?

– Не хочу!

– А будет!

Я вполуха следила за их перепалкой. Мишанин живот мы, конечно же, видели, а куда б мы делись? Собственно, именно этот пресс и был его главным козырем, даже у подготовленных нас немного коленки дрожали от вида идеального торса, а уж те девушки, которые не воспринимали этого парня как брата, вообще обязаны были с ума сходить. И если Ася сейчас Мишаню правильно накрутит, то свидетелями стриптиза придется стать всем посетителям бара – приятель своего тела не стесняется, но все же это как-то неуместно.

Сама я невольно скатилась мыслями к своей нелюбимой группе. В понедельник пришла на лекцию к финансистам, и, как обычно, они не кинулись мгновенно рассаживаться по своим местам. Некоторые лениво побрели к партам, другие даже не заметили моего появления. Жуковский что-то со смехом рассказывал Мельникову и слишком откровенно водил пальцем по бедру одногруппницы, которая сидела между ними на столе и беззаботно махала ногами, словно вовсе не замечала его руки, беспардонно занырывающей под короткую юбку. Боюсь, опоздай я на пару минут, этой тряпочки на студентке вообще бы не осталось.

– Дмитрий, Ксения, Ярослав! – окликнула я, немного занервничав от столь неуместной сцены. – Звонок прозвенел, отложите личные дела до возвращения домой. Вам самим не кажется, что в стенах вуза не любое поведение допустимо?

Жуковский соизволил обернуться, но даже палец от бедра девушки не убрал.

– Не надо завидовать, Анна Андреевна. Мы ведь не сексом тут занимаемся, чтобы вы с ума сходили, – выдал этот негодяй и добавил как ни в чем не бывало: – Здравсьте.

Я медленно вдохнула. Да-да, сюда собрали худших представителей рода человеческого, и если у них есть предводитель, так вот он как раз передо мной – Дмитрий Жуковский. Всегда какой-то хладнокровный и непоколебимый, но как что вякнет – хоть стой, хоть падай. Понятно, что его родители не из простых, вот и избаловали отпрыска до безобразия. Не ведут себя так люди, которых хоть изредка ставят на место! Смышсленный, сообразительный, явно пришел к нам после какой-нибудь элитной школы, одевается как подиумная модель – или его наряжают специально нанятые дизайнеры. Это сложно объяснить: никакой вычурности в его одежде нет, но она необъяснимым образом делает и без того довольно симпатичного парня каким-то слепленным профессионалами айдолом. Даже потертые джинсы и растянутые футболки сидят на нем так, будто специально подбирались из миллиона моделей. Русые волосы, немного выющиеся и всегда лежащие в хорошо продуманном беспорядке. Глаза, кажется, зелено-карие, или что-то из неопределяемых оттенков. Полные губы, немного выступающий подбородок. Не назову его исключительным красавчиком, как-то совсем мимо моих представлений о настоящей мужественности, но когда улы-

бается, то преображается до неузнаваемости. Хотя на улыбки Дмитрий чрезвычайно скуп – вот одноклассники и лезут из кожи вон, лишь бы заставить его обнажить эти безупречные отбеленные зубы. Будь моя воля, избавилась бы от него первым, остальные в сравнении терпимы.

Но я держала спокойную интонацию, не позволяя настоящему отношению хоть чем-то проявиться:

– Здравствуйте, Дмитрий. Напоминаю, мы сейчас находимся в высшем учебном заведении, поэтому о правилах приличия не забываем. Итак, занимайте места, начинаем занятие.

Отыграла на все сто, не придраться! Но похвалить себя не успела, поскольку это хамло еще свое выступление не закончило. Дмитрий вскинул левую руку, грубо схватил Ксению за подбородок, наклонился к ней и поцеловал. Отвратительно так поцеловал, бесстыдно, этим засосом издеваясь сразу над всеми зрителями. Через секунду отпустил, безразлично глянул на меня и только после пошел к своему месту. Ясно, что я в этом шоу должна была прочесть какое-то послание, но какое? «Я буду творить, что захочу!» или «Лопни теперь от злости, воспитательница хренова»?

Пока я недоумевала, Ксения заверещала во весь голос:

– Димон, ты охренел? Ты что творишь?

И с задней парты раздался почти рык:

– Димон, какого черта ты трогаешь мою девушку?!

Я неуместно хмыкнула. Видимо, Ксения Дробыш встре-

чается с Антоном Васильевым. Тогда он немного поздно спохватился: то есть до этого поцелуя его все устраивало, или он действительно не видел, что происходило? Или же не хотел связываться с этим отмороженным щенком из-за какого-то там пальца под юбкой любимой? Жуковский равнодушно показал однокласснику средний палец и будто разрешил всем присутствующим:

– Теперь начинаем слушать про ценные бумаги.

Я схватила ртом воздух и вовремя отвернулась к доске, чтобы взять себя в руки. А что еще делать, кроме как проигнорировать? Бежать в деканат и катать заявление о неприличном поведении? Можно, конечно, но на отчисление не тянет. А если этого беса не отчислят, то до конца года он меня живьем сожрет.

Зато на лекции в кои-то веки никто не перебивал – и на том спасибо. Поэтому я рассказывала материал, а проклятия орала молча, иногда спотыкаясь взглядом на Жуковском. На самом деле каждый преподаватель должен пережить самую худшую в своей карьере группу, чтобы все остальные студенты потом казались адекватными.

– Смерть Жуковскому, смерть гниде! Завернуть бы его в облигации, накрыть акциями и сжечь! – Я и сама не заметила, как снова завела ту же волюнку.

Друзья, конечно же, внимательно слушали и готовились заново поддерживать. Но вдруг со стороны раздался голос:

– Жуковский? Как тот самый?

– Как поэт? – предположила я, пытаюсь проявлять доброжелательность к девушке, которую мы больше никогда не увидим.

– Нет, как Юрий! – восторженно отозвалась она. – Ну тот, у кого завод по переработке и конструкторское бюро!

Я внимательнее посмотрела на Иру-Инну и покачала головой, неуверенно выдав:

– Возможно, его отец, отчество этого отморозка я не помню. Ты его знаешь?

Она в задумчивости надула свои объемные пельмешки, а потом призналась:

– Один раз видела на элитной вечеринке. Ох, знали бы вы, каким сложным путем я туда попала! Но мужик какой... Причем разведенный! У него сын есть – кажется, институт уже заканчивает. А этот – солидный, лощеный, денег куры не клюют... – Она зажмурилась счастливой кошкой, а финал ее речи стал неожиданностью: – Но, сука, не дается. Давайте уже коньячку закажем, а?

Мишаня поцокал языком. Дошло до местечкового мачо, что все его прекрасные тела проигрывают в конкуренции с заводами-пароходами. Она за него полчаса назад замуж бы пошла, но если вдруг встретит побогаче, то с радостью променяет каменный пресс на такой же твердый кошелек. Юную девушку даже возраст обсуждаемого объекта не смутил, а тому должно быть хорошенько за сорок. Но почему-то в ее коротком рассказе несостыковок я не заметила. Если отец

Дмитрия – крупный бизнесмен, то наскоком его каждая желающая не оседлает. Уж особенно такая силиконовая. Наверняка не того уровня птица, чтобы бросаться на любую согласную. Если воротила и женится во второй раз, то на лучшей из лучших, меркантильные пустышки пролетят мимо. Вот пусть мой закадычный друг и сделает выводы, как поступают люди, которые на самом деле себя уважают. А спать с каждой – это скорее об отсутствии брезгливости, чем о мужских победах. Но пока Мишаня сам до этой мысли не допрет, ему ничем не помочь.

Мы с Асей оставили странную парочку для выяснения несуществующих отношений и разъехались по домам. Услышанное о Юрии Жуковском сразу вылетело у меня из головы. Какая вообще разница, кто там отец этого избалованного придурка?

Глава 3

На субботний ужин к родителям можно и не ехать, но это всегда чревато последствиями. Сошлешься на занятость – они перенесут встречу на «удобное для всех время», которое уже точно будет всем неудобно. Скажешь о плохом самочувствии – соберут приготовленную еду в контейнеры и толпой примчатся куда угодно, чтобы «позаботиться о больном ребенке». На самом деле у меня замечательные родители. Не без недостатков, но у кого их нет? Они нам с сестрой с детства демонстрировали пример по-настоящему теплых отношений. И мозг выносили лишь в рамках настоящей заботы – подобным грешат даже самые идеальные люди.

В квартиру я вошла последней. Все уже расселись вокруг большого стола, мама заканчивала приготовления, а папа продолжал речь, которую начал еще до моего появления:

– Ну вот не подфартило нам с сыновьями! Мать, слышишь? Надо было третьего заводить, точно бы пацан получился!

Юлька отреагировала громким смехом.

– Началось! То есть нас с Аней тебе мало?

– Не мало, а даже как-то многовато, – отшутился отец. – Но вот немного жаль, что наша звучная фамилия канет в небытие. Крамские – это вам не какие-нибудь Сидоровы! Обидно, что фамилия гениального художника так и не пере-

дастся по наследству...

– Па-ап, так мы же не потомки того самого Крамского, – весело перебила сестра.

– А черт его знает. Может, через десятое колено и родня! Ты теперь вообще Бабых, тебе слова не давали, – отрезал он и глянул на Сергея: – Без обид, зятек, но старику можно говорить все, что в голову придет. Анька тоже замуж выскочит, и все – конец Крамским. Привет, дочурка! – Это он уже адресовал мне, не сделав ни малейшей паузы для перехода от одной мысли к другой.

Я подошла, чмокнула его в щеку, приветливо кивнула сестре и направилась к своему месту. И раз мое появление пришлось в разгар диалога, то подхватила:

– Так я поэтому замуж и не выскакиваю, пап. Собираюсь нести гордую фамилию Крамских до гробовой доски!

Мама, ставя салатницу на стол, нахмурилась.

– Все шутки шутишь, Анечка, так ведь и дошутиться можно! Лично мне на фамилию плевать, потому что внучата и есть наше продолжение, – она посмотрела на возящегося в стороне очаровашку Андрейку, потом потрепала за щечку почти лысенького Антошку, который сидел на руках у Юли. – Для бабушки и дедушки только в ваших детках счастье!

Видимо, мы с сестрой им счастья уже не приносим. Подавай свежую кровь и новые души, еще не подпорченные детскими травмами. Справедливости ради, на моих племянни-

ков без умиления смотреть невозможно. Старшего называли в честь нашего отца, а младшему дали имя второго дедушки. Но светловолосый и непоседливый трехлетка Андрейка очень походил на Сергея, а малышок Антон, сейчас радостно пускающий пузыри, все больше напоминал мою родню. Понятно, что с годами внешность мальчишек может сильно поменяться, а в таком возрасте почти все детишки вызывают приступы нежности. Даже если они Бабыхи.

Я вернулась к недавней теме:

– Мам, ну детьми я могу обзавестись и без мужа. Когда созрею – возьму и подарю тебе на день рождения внука, нянчись на здоровье.

– Уже перезрела, – забурчала она, садясь рядом с отцом. – И снова эти твои глупые шутки. Вот что ты будешь делать в моем возрасте по субботам с такой же радостью, как я жду вас? Перечитывать свою диссертацию?

Пожав плечами, я ответила:

– Почему бы не перечитать, когда так хорошо написано? Ладно, мам, уговорила! Сейчас поем, выйду на улицу, схвачу за горло первого попавшегося мужика и замуж за него выйду. Только потом не придирайтесь к выбору, в темноте ведь не очень разглядишь.

Обычно веселый отец подобного юмора не оценил:

– Чтобы через месяц развестись? Ну уж нет, такого мое сердце точно не перенесет! Семью создают раз и на всю жизнь! Так что извольте, Анна Андреевна, представить нам

зятя не хуже Сергея! Дело же не в том, чтобы настрогать детей, надо еще создать им здоровую обстановку. Бросьте вы салаты, особенно это кормящих матерей касается! – Он снова заулыбался, когда Юля пересаживала малыша в манеж и вернулась к столу. – Ешьте уже курицу, я по новому рецепту замариновал.

Мама заворчала, поскольку сегодня за салаты отвечала она.

Курица была бесподобна, но удовольствию мешал привкус от разговора. Они ведь будто и не давили сильно, но в душе каждое слово оседало пылью, и дышать становилось все труднее. Меня даже Золотой Сереженька начал раздражать и хотелось отыскать в нем хоть какой-то недостаток, словно именно он был во всем виноват.

– Анют, ты не слышишь, что ли? – громче позвала мама. – Я говорю, возвращайся домой. Ваша с Юлей комната пустует. Зачем тратить столько денег на аренду, когда есть где жить? Уж до замужества точно удобнее оставаться здесь. Хотя бы с отцом будем спокойны, что ты хорошо питаешься.

– Мне там до работы ближе, – уже в который раз объяснила я. – До сих пор с ужасом вспоминаю, как раньше добиралась отсюда.

Через пару встреч эту тему снова поднимут и получат такой же ответ. Я после коротких субботних ужинов не всегда ухожу в хорошем настроении, а слушать подобные разговоры постоянно выше моих сил. Свято верю в то, что взрос-

лые дети должны жить отдельно даже от таких замечательных мам и пап, просто замечательность родни с расстояния четче видно. А уж когда я сняла малюсенькие апартаменты в четверти часа ходьбы от университета, последних сомнений не осталось. Тесно, дорого, без маминых завтраков, зато живу сама по себе и без круглосуточных нотаций – красота!

Мои воскресенья обычно делились на равные части. Первую треть дня я проводила на разобранной кровати в позе морской звезды. Потом резко вскакивала, вспомнив о делах, и переходила ко второму этапу: привести свое маленькое жилище и себя в порядок, подготовиться к занятиям. А вечером обычно занималась моральной настройкой. Ведь в понедельник у меня по расписанию три пары: сначала тихие бухгалтеры, затем шумные, но забавные коммерсанты, а завершающим этапом идут финансисты, которых приличными словами не опишешь.

Новый день вошел в раздел скорее правила, чем редкого исключения. Жуковский на этот раз уселся за первую парту, но быстро заскучал. Вынул смартфон, засунул беспроводные наушники в уши и вальяжно развалился на стуле, направив задумчивый взгляд в окно. Видимо, тема фьючерсов ему известна, раз он даже не счел нужным слушать лекцию. Любой преподаватель с инстинктом самосохранения на моем месте просто сделал бы вид, что не заметил. Не мешает другим, сидит тихо – за одно это хочется отвесить низкий поклон. Однако я свой труд уважала, тщательно готовилась к каж-

дой паре и обязанностями не пренебрегала – соответственно, мне было важно, чтобы присутствующие в аудитории не игнорировали мои усилия.

– Дмитрий! – позвала я, закончив объяснять первый раздел. – Будьте добры, изобразите, что вы присутствуете, или покиньте аудиторию.

Если парень и слушал музыку, то негромко, поскольку сразу меня расслышал и, бросив удивленный взгляд, вынул наушник из уха. Всегда слишком невозмутимый. Если бы он хоть изредка волновался или заметно нервничал, было бы проще составить его психологический портрет. Но нет, этот гад всегда придерживался прохладно-отстраненной интонации, даже когда произносил невозможные вещи:

– Анна Андреевна, вас раздражает, когда вы не в центре внимания? Простите, не знал. Отныне буду смотреть только на вас и иногда кивать. Сойдет? – Развернулся в сторону доски и снова потянул наушник к уху.

Вот сейчас точно нельзя было злиться, ни в коем случае! Но сдержаться не получилось. Тем не менее успела напомнить себе, что я здесь – взрослый ответственный преподаватель, поэтому не имею права говорить со студентами на их языке. Я потом Мишане и Асе буду пересказывать эту сцену в правильных словах, а на лекциях надо каким-то невероятным образом обойтись без матов:

– В ректорате уже обсуждают запрет на использование сотовых телефонов во время занятий, – отчеканила я сухо. –

Надеюсь, ваш случай станет последним аргументом, и все студенты будут перед парой сдавать свои сотовые.

– Сдавать? – он будто заинтересовался и уставился на свой смартфон в красном чехле. – Рискованное мероприятие, Анна Андреевна. Мой стоит больше, чем вы в квартал зарабатываете. Зачем вам такой соблазн?

Я нервно сглотнула. А кого винить, кроме себя? Сама начала эту перепалку, зная, что к хорошему не приведет, самой теперь и заканчивать. Но раз он посмел поднять такие темы, то почему нельзя мне? И немного порадовалась, что сумела сделать голос мягким, почти ласковым:

– Дмитрий, если вы лично заработали на дорогой телефон, то примите мое уважение. Если же его вам подарили, то какой смысл сравнивать его цену с результатами чужого труда? Ощущаете разницу между «сам» и «добрый папа»? Еще нет? Тогда тема о фьючерсах может вам помочь. Вдруг когда-нибудь решите и сами чего-то добиться?

После этого я приготовилась уже к любому выпад: раз подняла градус, то отдача может быть еще более мощной. Однако Жуковский хмыкнул, бросил наушники на стол и выдал:

– Зачет, Анна Андреевна, я весь ваш.

Значит, с подарком я угадала. Но кто он такой, чтобы выставлять мне зачеты?! Хотя финал меня устроил – уж точно лучше драки, потому я прикусила язык и вернулась к лекции. Странное дело, но Жуковский пододвинул тетрадь и

приготовился послушно записывать. Он не рисовался перед одноклассниками, ведь мог накидывать и накидывать, если бы ставил цель их развеселить и довести меня до белого каления.

К сожалению, в этом зверинце не только у него имелись зубы, а наша короткая перепалка раздраконила остальных. Зоя Канерская выкрикнула с задней парты:

– Раз разговор зашел, скажите, какая зарплата у преподав? Интересно же!

За ней тотчас подхватил Ярмилов:

– Да! Анна Андреевна, сколько? Вдруг я потом решу не в отцовский банк идти, а в универе остаться! Полмиллиона или меньше? Хоть намекните, чтобы я определился!

Ну как же без скрытых издевательств? Я медленно вдохнула. Сейчас надо спокойно отрезать, что это не их дело, но неожиданно голос вновь подал Жуковский:

– Завалитесь уже, мешаете мне узнавать про фьючерсы. Так и помру с пострадавшей самооценкой, потому что мне телефон добрый папа купил.

Очевидно, что его просто раздражал шум, но после такого смешного заявления все действительно предпочли притихнуть. Тяжелый человек был сложен не только для моего восприятия, он на всех оказывал парализующее воздействие. Если «Димону» сейчас не прет веселиться – значит, никто веселиться не будет.

Зато отстрелялась! Теперь могу наслаждаться жизнью до

самого четверга.

А вечером я потела на тренажере под присмотром Мишани, но между подходами не забывала ругаться:

– Козлодои, блин! А у этого реально отчество Юрьевич, то есть тот самый мужик и есть его папаша. Хотела бы я посмотреть в глаза людям, воспитавшим такое чмо!

Мишаня сразу попытался направить мою энергию в правильное русло:

– Давай, Анютка, подкачаем тебя, чтобы потом ему одним ударом челюсть снесла! Благое дело для всего человечества!

Лежавшая под штангой Ася зачем-то начала анализировать:

– Они сами не понимают, как выглядят со стороны. Ты воспринимаешь их выпады на свой счет, но дело вовсе не в тебе.

– Так я о том и говорю! – возмутилась я. – Любой преподаватель для них пустое место. Они берут наши знания и тут же о нас забывают, как какие-нибудь машины по переработке пластика. Удивляюсь, что некоторые из них хотя бы мое имя-отчество запомнили. А этот жук меня бесит просто до дрожи! Такое ощущение, что если подойду и воткну ему ручку в глаз, он выдаст что-нибудь типа: «Сказали бы сразу, что вас мой глаз раздражал, я бы сегодня пришел без него».

– Работай над собой, а не над ними, – посоветовала подруга. – Это с твоей самооценкой что-то не так, раз ты об этих хамах думаешь чаще, чем они о тебе. Жуковский забы-

вает про тебя сразу, как только покидает аудиторию, а ты с ним круглосуточно живешь! Думаешь, прямо сейчас он своим друзьям так же взахлеб пересказывает новости о какой-то Анне Андреевне? Нет, тебя для него не существует, а ты с ним ешь, спишь и вон даже потеешь на тренажерах!

Какая примитивная в своей очевидности мысль, но почему-то мое внимание никто до сих пор на этом не заострял. Ведь как точно сказано! Я заиклилась на них, и тем самым только подчеркиваю свою ничтожность. А бетонная самооценка сомнений не оставляет. Таких людей не зацепить, потому что у них нет крючков, а провалы они констатируют с той же легкостью, с какой и победы. Это его «зачет» было брошено как признание поражения, но с такой высоты, что меня чуть не пришибло. Так чего я ною, когда следовало перенять модель поведения существа, которое охреневает от самого себя?

Эти чертовы финансисты – подарок судьбы, настоящий тренажер не хуже Мишиных! Два следующих занятия у четверокурсников прошли идеально, я просто одергивала себя, когда ощущала, что в груди снова что-то напрягается. Перебивали глупыми вопросами или пытались увести от темы – спокойно отвечала, что в семь часов по четвергам у меня консультации. Милости прошу, как говорится, хотя на личные вопросы я не буду отвечать и там. Тот, кто во время лекции отвлекался на посторонние дела, моим елейным голосом получал самый сложный доклад на ближайший семинар.

Справятся, конечно, потому что дураков среди них нет – заодно причинно-следственные связи выстроят. Ясно, что не всегда будет так легко, пока везло с общим замешательством – студенты не понимали, что на меня нашло. Чуть позже этот зверинец адаптируется и подкинет мне еще кучу проверок на стрессоустойчивость. Но, кажется, я могу научить их меньшему, чем они меня. Если повезет на этом пути, то поймаю тот же дзен, что и Дмитрий Жуковский, об которого когти не поточишь. А уж после финансистов я даже сумею преспокойно общаться с родителями об отсутствии мужа.

Глава 4

В начале ноября рабочая нагрузка заметно возрастает. Уже и на консультации приходит все больше студентов: кто хочет побыстрее закончить и защитить курсовую, кто спешит пересдать проваленную тему, чтобы в итоге вытянуть мой предмет на автомат. На парах тоже снижать темп недопустимо, дабы остальные учащиеся вспомнили о грядущей сессии. Но Мишане во время тренировок мои стенания по барабану – он превратился в машину по созданию идеалов, даже меня жирдяйкой начал обзывать, хотя по всем параметрам я скорее ненормально тощая. Вероятно, с другими клиентками он строит общение в более мягких тонах, иначе всеобщую женскую любовь к нему не объяснить. Мы же с Асей – не способ заработать, а настоящие друзья, поэтому не видеть нам спуску и не слышать тактичных слов.

Уже после звонка, идя к нужной аудитории, я остановилась в пустом коридоре, огляделась и наклонилась, чтобы потереть ноющие после вчерашних зверств икры. Сейчас отдаля бы что угодно за удобные кеды. Еще в самом начале работы, будучи новым ассистентом кафедры, я внимательно приглядывалась к более опытным коллегам и пыталась не слишком выбиваться из общего стиля в одежде. Если даже пожилая Мария Игнатьевна носила туфли на каблуках, то молодым подобное вовсе не должно быть в тягость. Строгие блуз-

ки, узкие юбки-карандаши и приталенные пиджаки добавля-
ют образу необходимой официальности. И мне всегда нра-
вилось, как я выгляжу. Не будь в моей жизни тренера Ми-
шани, сейчас и в голову бы не пришли фантазии о растяну-
тых трениках и удобной обуви, а каблуки не показались бы
орудием пытки. Прикосновение к ноге вызвало тихий стон
от секундного облегчения, но расслабиться я себе не позво-
лила. Выпрямилась, провела пальцами по волосам и убеди-
лась, что ни одна прядь не выбилась. Но до того как сделать
следующий шаг, по непонятной причине вновь обернулась и
сильно вздрогнула. Жуковский, похоже, свернул от лестнич-
ного пролета, а потом застыл метрах в пяти и ожидал, когда
я приму более приличную позу. Судя по слегка растянутым
в улыбке губам, вид моей пятой точки парень не воспринял
болезненным ударом по своей незрелой психике.

– Опоздал, простите, здравствуйте, – бросил он и продолжил
путь. Мог бы на этом и закончить, но после короткой паузы
зачем-то добавил: – Вижу, вы тоже не спешите. Ни в чем себе
не отказывайте, Анна Андреевна, я никому не скажу.

Я сжала челюсти так, что аж зубы заныли. Да, сама вино-
вата, не сдержалась, едва ли не раком тут загнулась. Но я ведь
тоже человек! Чего стыдиться? У каждого в жизни может
попасться жестокий друг с его кошмарными тренажерами!
Однако раздражение выплеснулось на другого виновного:

– Дмитрий, студенты должны быть в аудитории до прихо-
да преподавателя!

Он обернулся и с усмешкой ответил через плечо:

– Форс-мажор. Какой-то мудака поцарапал на парковке мою тачку. Если это были не вы, то к вам у меня нет вопросов.

От возмущения на мгновение потеряла дар речи. Я ему кто? Подружка, чтобы таким лексиконом сыпать?! Он ничего не перепутал? Но Жуковского моя реакция не интересовала – он уже распахнул дверь и проявил издевательскую галантность:

– Прошу, Анна Андреевна. Или вас на ручках донести?

Подождал немного, но поскольку я не ринулась принимать предложенную помощь, коротко пожал плечами и прошел первым. Отомстить я смогла только тем, что и на его пятую точку бросила взгляд! Конечно, в таких комфортных джинсах и явно удобных брендовых кроссовках легко рассуждать. Я ведь его шаги даже не услышала, настолько мягкая у обуви подошва. Интересно, а если бы я спятила и согласилась поддержать шутку, то донес бы? Скорее всего – и бровью бы не повел от реакции одноклассников.

Вдох и выдох, пора начинать следующий этап. Мой уверенный голос ничем не выдавал недавний всплеск эмоций:

– Доброе утро! Сегодня начнем с обещанной самостоятельной работы по последнему разделу, а потом перейдем к докладам. Да-да, Богдан, я помню о вашей просьбе – лаборант чуть позже принесет оборудование для презентации.

– Опять самостоятельная... – недовольно выдохнули сра-

зу несколько голосов.

– Замотали эти японские свечи, в них черт ногу сломит!
Кому они вообще нужны?

– На всех парах контрольные, как сговорились!

Я не обратила внимания на стенания. Это вообще не дело студентов – выстраивать грамотный учебный процесс и вовремя отслеживать провалы в уровне успеваемости. Уж особенно Ксении возмущаться не положено, она же вроде на пятерку автоматом претендует – неужто думала, что получит оценку за красивые глазки?

Жуковский снова сел за первую парту – скорее потому, что остальные заняли до его появления. Галерка обычно забита, там проще отвлечься и обсуждать посторонние темы. Но Дмитрий редко трепался с товарищами: когда было неинтересно, то пялился в окно, а когда ему хотелось поболтать, то в собеседники он выбирал самого неподходящего человека – преподавателя. Открыл тетрадь, выдрал из середины листок и на этот раз поддержал общее негодование:

– Надеялся хоть тут выспаться с открытыми глазами... – Он поднял взгляд вверх и заметил, что я как раз смотрю на него. Бегло улыбнулся и начал новое представление, от которых я за несколько недель успела отвыкнуть: – Давно хотел спросить, Анна Андреевна, а почему именно вы ведете у нас рынок ценных бумаг? Не поймите неправильно, но вряд ли у вас есть брокерский счет и миллионы чистого дохода от трейдинга. Разве не надо сначала стать экспертом, а уже

потом учить?

Остальные студенты притихли в заинтересованном ожидании продолжения любопытной сцены. Не поддаваться на провокации! Наоборот, расслабиться и вспомнить: передо мной экспозиция зубастых тварей. Странно, что вопрос о компетентности они раньше не подняли, а то ведь могли прямо первого сентября об этом завопить. Брокерский счет у меня был – я не позволила бы себе объяснять практические аспекты, не узнав на собственном опыте основные принципы. Но, по понятным причинам, закинуть я туда смогла совсем небольшую сумму, которая сейчас лежала в облигациях и из глубокой просадки радовала регулярным купонным доходом. Однако любая отсылка к правде прозвучит жалким оправданием, потому я заговорила о другом:

– Какое дельное замечание, Дмитрий. Ваша группа может обратиться в ректорат с претензиями. Пусть о ценных бумагах вам рассказывает долларовый миллионер. Джордж Сорос как раз ничем не занят. Денежно-кредитную политику обязан преподавать глава Центробанка, для лекций по макроэкономике не мешало бы прийти президенту. Не соглашайтесь на меньшее, пусть вас учат только лучшие эксперты в своих областях!

Жуковский неожиданно рассмеялся:

– А на физкультуру пусть нам выпишут трехкратного олимпийского чемпиона. Я понял вашу мысль. Заткнулся. Он со мной закончил, а я с ним нет:

– Или напишите петицию в министерство – пусть исключительно для вашей группы вычеркнут из образовательных стандартов этот предмет. Тогда первой парой по четвергам вы сможете отсыпаться даже с закрытыми глазами.

В этот раз слова «зачет» не прозвучало. Дмитрий откинулся на спинку стула, слегка прищурился и заявил:

– И вы бы этому очень обрадовались, правда? Никогда нас больше не видеть – не чудо ли?

Угадал, гад ползучий, в самую точку! Знает, что я их терпеть не могу и с удовольствием скинула бы с себя эти занятия. Но ответила максимально доброжелательно, хотя он определенно чувствовал, в каких пунктах звучит ложь:

– Не преувеличивайте, Дмитрий. Я люблю свою работу, стараюсь делать ее как можно лучше и не разделяю группы на плохие и хорошие. Начинаем самостоятельную, если на этом ваше недовольство иссякло.

Так и не поняла, из-за чего они устроили сыр-бор, поскольку после проверки работ каждый присутствующий получил положительный балл. Зачем они ныли и выносили мозг – лишь из любви к искусству? Один Жуковский на плюстик не нацарапал, а в сданной самостоятельной начеркал нечто схожее с объяснительной: «Я отработаю эту тему. Почти до утра в клубе проторчал, про домашку там не вспомнишь». То есть он выпендривался, поскольку действительно не был готов к проверке. Что ж, бывает. И ведь отработает, не сомневаюсь, хотя бы минимум выдаст. Жаль, что его те-

перь придется на консультации увидеть, но один раз пережить можно. У меня давно возникло ощущение, что Дмитрий львиную долю информации усваивает во время лекций, но не старается – делает ровно столько, сколько хватит для галочки и ни баллом больше.

К счастью, тем вечером на кафедру он не пришел, чтобы закрыть хвост немедленно. Для этого дня Жуковского и так было слишком много, пусть явится когда-нибудь в будущем.

Уже поздним вечером вдруг вспомнила о паблике в соцсети и с настороженностью открыла браузер. Сегодняшний выпад на семинаре финансисты могут мусолить там. Уже несколько недель я самоистязаниями не занималась, но сейчас захотелось проверить – просто чтобы быть готовой. Высказывания студентов нелюбимой группы я там иногда видела и давно заметила нечто интересное: многие из них писали комментарии открыто, не стесняясь в выражениях. Далеко не каждый расхрабрится выдать грубость, не прячась за фейковой страницей или анонимностью. Ничего сволочи не боятся, но этим же вызывают невольное уважение.

Приготовившись искать какие-нибудь шутки о моей мнимой некомпетентности, я по инерции промотала несколько постов вниз, а когда из обрывков фраз дошел смысл обсуждения, медленно вернулась обратно, чтобы по порядку перебрать каждое слово. Нет, сегодняшняя перепалка там не упоминалась, ничего подобного... Тем не менее лучше бы меня называли идиоткой, которая вообще ни в чем не раз-

бирается, чем то, что я увидела.

В груди давно болело от глубоких вдохов и выдохов. Я встала со стула, отпрянула назад, но взгляд от монитора оторвать сумела далеко не сразу. Оказалось, что уже несколько дней подряд все студенты в паблике обсуждали меня – и таких слов в свой адрес я не слышала никогда. Начало было положено еще в понедельник, когда кто-то запостил фотографию, на которой очень четко видно, как я обнимаю Евгения Латова. Его лицо почти скрыто за моей головой, хотя сутулого паренька узнать несложно. И все бы ничего, но неведомый аноним добавил подпись: «Вот так делаются одни пятерки в зачетке – надо просто шпиндолить преподашу. Учитесь, лузеры!».

Вброс был настолько непродуманным и ничем не подкрепленным, что поначалу вызвал у меня злой смех. Однако его подхватили в какую-то общую волну и начали раскручивать. Один-в-один дикие обезьяны, швыряющиеся дерьмом. Я видела картинки, где вокруг нас прифотошопили сердечки, дважды прочитала все посты и комментарии к ним, а обсуждалась лишь эта тема – будто бы все другие преподаватели и студенты в нашем университете вымерли и о них больше нечего писать.

Одногруппница Латова попыталась заступиться: «Вы чего несете? Женька такой заучка, что просто бесит! Не знаю, что у них с Анькой, но это с оценками не связано! У него реально одни пятерки, потому что ботан всем преподам жопы

вылизывает». Встретилось и более мягкое мнение, где Лато-ва назвали «умным» и сообщили, как «он всегда на семина-рах руку тянет». Да только редкие проблески разума друж-но игнорировались, а обсуждения переходили ко все более неадекватным предположениям. Для меня травля в интер-нете раньше была какой-то бедой, которая существует где-то вдалеке и случается с кем-то другим: надо дать какой-то повод, чтобы волна переросла в цунами. Оказалось, можно обойтись и без повода.

Я отходила от ноутбука, но снова возвращалась, продол-жая эту пытку. И ведь ничего не заметила по реакции сту-дентов! Просто вела пары, не улавливая какого-то дополни-тельного интереса. Только сегодня я видела Богдана Ярми-лова – общалась с ним, смотрела ему в глаза, хвалила за тща-тельно проработанную презентацию, даже не предполагая, что этот же человек писал позавчера: «Крамская – конфет-ка! Я бы и сам ей вдул, даже не за пятерку, а по велению причиндалов!», на что получил ответ от другого финанси-ста, Антона Васильева: «У нее такой вид, как будто она сама кому хочешь вдует. Дерзай, любитель straponов!». Два вто-рокурсника заявили, что я активно им строила глазки и де-лала недвусмысленные намеки. Жалели, что не сразу поня-ли, как успеваемость повысить. Каждый следующий пост на-бирал обороты, умельцы соревновались в юморе. Вот я уже изображена в свадебном платье, а вот ту же картинку пере-несли на фон моря и пальм. Зачем-то раскопали фотогра-

фию Латова с первого курса, где еще его лицо было усеяно неприятными прыщами, после чего принялись рассуждать о моем отчаянном положении, раз я даже на такого запала. Теперь-то стало понятно, как много людей раздражали блестящие успехи Евгения. Его раньше, кажется, не обижали и прямо не высказывались, а под такой чудесный повод всех завистников прорвало.

Любые попытки защиты тоже отдавали душком: «Развели какой-то балаган. Парень совершеннолетний! Ну и пусть баба старше, всякое бывает!» или «Разведенка решила немного расслабиться с молоденьким – убить ее за это?». Когда я стала разведенкой – большой вопрос. Но правда не волновала никого, ведь сухие факты так не веселят. Толпу охватил какой-то болезненный азарт, дарящий яркие эмоции всем участникам, а от такого наркотика мало кто откажется. Самые осторожные и воспитанные не писали вообще ничего, но, судя по просмотрам, читающих было раз в десять больше, чем активистов. А что же Латов? У парня сейчас очень трудный период в жизни, ему в это дерьмо окунаться просто нельзя. Я взмолилась, чтобы Евгений вообще не состоял в этой группе или у него сейчас не было времени на чтение каких-то обсуждений. Но ведь расскажут – не сегодня, так завтра. С дружеской поддержкой или злорадством, но кто-нибудь обязательно ему расскажет.

Уже в который раз я попыталась отойти, убрать подальше от этого ужаса. Шла назад, пока не наткнулась на стену

– она будто напонила, где нахожусь. Сползла вниз, зажала голову руками и тихо завывала. Меня растоптала не ложь, а тот факт, что явную выдумку, чью-то нелепую шутку подхватило так много людей, словно все разом отупели и не замечали несостыковок. Начинало трясти, стоило представить, как Евгений, отойдя от постели больной мамы, открывает интернет и видит всю эту бредятину. Они понимают, зачем это пишут? Они задаются вопросом, насколько верны их выводы? В этой тонне грязи виновата не я и уж тем более не Латов, причина в стадном желании поплясать на чужих костях. Коллективная эйфория ни с чем не сравнится, к ней хотят прикоснуться даже самые разумные люди.

Только что теперь делать? Идти на работу и изображать, что не в курсе? Осторожно ловить каждый взгляд и предполагать, какие гадости в этот момент обо мне думают? Писать опровержение?

Единственную пару в пятницу я провела в туманной заторможенности. Встречаться с друзьями наотрез отказалась – наплела, что сильно простыла. У меня пока было такое состояние, что я даже с друзьями не хотела ничего обсуждать. Следовало для начала самой определиться с реакцией. В субботу от визита к родителям отделаться не удалось. Я решила, что справлюсь, просто посижу там полчаса и уеду. Но мама сразу заметила мой вид:

– Анюта, доченька, что с тобой?!

– Сильно устала, – соврала я. – Перенесли сроки сдачи

курсовых, и теперь за неделю надо проверить несколько сотен работ.

Отец возмутился:

– Хотят испытать тебя на прочность? Анечка, найди себе состоятельного мужчину, тогда если и будешь работать, то для души. А это совсем другое дело! – Он снова без малейшей паузы переключил пластинку и уже заулыбался: – Сергей, плевать на законы, бери и вторую нашу дочку замуж!

Меня перекосило. Но Золотой Сереженька проявил участие:

– Аня, ты на самом деле как-то странно выглядишь. Давай завтра прокатимся в одну хорошую клинику. Не волнуйся, расходы беру на себя, хоть анализы сдашь. Не пропустить бы ничего серьезного! Отказ не принимаю, сам сейчас запишу и заеду за тобой утром.

Поскольку все заохали о здоровье, мне буквально пришлось хоть в чем-то признаться:

– Я в порядке. Просто расстроена, – сделала медленный вдох и зачем-то выдала правду: – Узнала о неприятном слухе. Кто-то сочинил, что я сплю с одним третьекурсником и за это ставлю ему пятерки.

Я не накручивала подробностей, поэтому родственники и не восприняли это так серьезно. Но поддерживали как могли. Мама подошла ко мне и, глядя по спине, утешала:

– Не обращай внимания, Анюта. Ну и пусть выдумывают! Да кто вообще поверит в то, что моя идеальная и ответствен-

ная дочь могла связаться со студентом? Умные только рас смеются, а дураки почешут языки и успокоятся.

Легко сказать «не обращать внимания», но сделать это горазδο сложнее.

В понедельник проснулась в шесть утра и сидела на стуле в ожидании времени, когда можно будет выходить. Если не приду, если хоть чем-то покажу, как сильно меня зацепило, то они победят. Нет, все будет не так. Не знаю, на какой силе воли, но я отправлюсь сейчас в университет и проведу все три пары.

Тихие бухгалтеры иногда посматривали то на меня, то на пустующее место Латова. Евгений теперь часто пропускал занятия, ничего необычного. Интересно, а они знают, что прямо сейчас он ухаживает за матерью? И если знают, если вся подоплека им известна, то люди ли они вообще?

Шумные коммерсанты сегодня вели себя спокойней обычного. Явно не меньше половины группы уже слышали сплетни, но открыто ничего не скажут. Вот пусть так до конца времен и помалкивают. Сойдет!

Финансисты не выступали, но у них и раньше бывали периоды затишья. А я, читая лекцию, постоянно думала только об одном: в тот день я видела троих из них. Кто-то сфотографировал, но для чего-то ждал бенефиса больше месяца. Чего же он хотел? Просто посмеяться? Да, смешнее я ничего в жизни не видела.

Андропова Полина, Мельников Ярослав и Жуковский

Дмитрий. Парни тогда вообще сделали вид, что меня не заметили, но ведь могли и притвориться. Один из них? Все трое? Кто-то другой, на кого я не обратила внимания? Но чтобы сделать подобное, надо быть бессердечным циником, а в этой группе их рассажник.

– Что? – вдруг спросил Жуковский, на которого я смотрела, пока студенты переписывали с доски формулу. – Да отработаю я вам эти японские свечи, не надо меня так заметно ненавидеть. Анна Андреевна, такое ощущение, что если вам сейчас дать пулемет, то мне кранты.

Качнула головой и вернулась к материалу. Даже если он сейчас внутренне ухохатывается над тем, как закатал двух живых людей в бетон, на моем лице ничего не прочтает. И Мельников с Андроповой не догадаются, как мне самой обидно, что у меня нет пулемета. Нет, я все еще не уверена в вине этой троицы, но мне хватило бы и того, что как раз они на подобное способны.

Глава 5

Я прекрасно продержалась и в начале большого перерыва собиралась отправиться домой. Если и приспичит поныть, то лучше там. Однако на кафедру вошла Вера Васильевна, наш проректор по учебной работе. Худосочную женщину, которая всегда выглядела чем-то недовольной, мы с коллегами поприветствовали нестройным хором. Но она не ответила, а сразу сделала шаг к моему столу и положила передо мной черно-белую распечатку с уже известной фотографией. Передать словами мое удивление было невозможно – я не предполагала, что гнилой слушок способен достичь и ушей начальства. А оправдываться не собиралась вовсе.

Но она обычно даже на самые приятные темы выражалась будто с претензией, а уж неприятные преподносила как стихийное бедствие:

– Анна Андреевна, вы ничего не хотите объяснить? У нас приличное заведение, мы входим в десятку лучших экономических вузов страны! По-вашему, такие сцены на глазах у прохожих уместны?

Я нервно сглотнула и с большим трудом выдавила:

– Так потому и на глазах. Прячутся, если делают что-то плохое.

Поскольку от меня она внятного ответа не добилась, резко развернулась на каблуках в другую сторону.

– Борис Захарович, вы знаете, что происходит?

– Знаю, – удивил заведующий, который как раз просматривал методички на предмет соответствия стандартам. – Нам Наталья еще неделю назад сообщила. – Он кивком указал на покрасневшую молоденькую лаборантку. – И я очень порадовался, что такие замечательные и равнодушные специалисты работают на моей кафедре. А о чем подумали вы, Вера Васильевна?

И ведь я подозревала, что в той группе не единственный тайный наблюдатель. Стало как-то дико от мысли, что коллеги давно знали и между собой обсуждали, но передо мной и словом не обмолвились. Не хотели добавлять переживаний, наверное, раз сами и не думали осуждать. Противная руководительница вздернула бровь, но добила ее Мария Игнатьевна – пожилая преподавательница терпеть не могла конфликтные ситуации и почти никогда ни с кем не спорила, но в этот раз не смолчала:

– Вера Васильевна, зачем вы вообще мусолите эту тему? Анна Андреевна в тот день вернулась и рассказала нам причину, почему Женечка в истерике отсюда убежал. Интересно, вы действительно считаете, что он и по моему предмету пятерку таким же образом получил? Вы же меня знаете, я никогда вашу работу не критикую, но сейчас это просто нелепо. Подождите, разве не вы у Латова на первом курсе историю преподавали? Так вам ли верить слухам?

Поскольку даже всеми уважаемая тихоня выступила, Вера

Васильевна сразу сбавила обороты:

– Кто вам сказал, что в ректорате поверили в эту чушь? Нет, конечно! Латов представляет вуз на конференциях и олимпиадах, мы не хуже вас осведомлены о его способностях. Но подобная грязь бьет по репутации каждого из нас. – Она вновь перевела взгляд на меня и перешла на назидательный тон: – Анна Андреевна, вы кандидат наук и опытный специалист, должны понимать, что нарушать личные границы студентов мы не имеем права. Для таких случаев у нас есть штатный психолог, он подобрал бы правильные слова. Но это панибратство недопустимо – определено не в нашей с вами профессии, иначе никто не будет уважать и ваши личные границы. Что, собственно, и произошло.

Я поникла, признавая в ее отповеди долю правды. Тогда я обняла Евгения не потому, что считала это абсолютно правильным, просто слов утешения не нашла, не смогла иным способом привести его в чувство. Уверена, что Борис Захарович на моем месте обниматься бы точно не полез, а значит, это было возможно. Прошептала, чтобы от меня отстали:

– Этого больше не повторится.

И вдруг эта монолитная каменная глыба очень тепло улыбнулась, а человеческих эмоций мне на ее лице видеть раньше не доводилось. Вполне возможно, она настроилась на то, что я начну все отрицать или закачу ответный скандал, но признание вины сразу ее удовлетворило, после чего проректор вознамерилась успокоить и меня:

– Надеюсь на это, Анна Андреевна. Вы ведь видите, как студенты все переворачивают. Профессию преподавателя и так обесценили, нельзя упрощать недоброжелателям задачу. Вы всегда должны быть на ступень выше, если хотите уважения.

Я прикусила язык, хотя выпад поняла – сама дала повод меня не уважать. И несмотря на то, что согласиться с этим не могла, последствия очевидны. Уж эта гримза точно в такую ситуацию не попала бы никогда: она скорее переступила бы через страдальца, чем спустилась бы к нему с пьедестала. Зато ее оклеветать язык ни у кого не повернется. Оказалось, что Вера Васильевна еще не закончила с нотациями:

– И что нам теперь прикажете делать? Написать официальную претензию администрации социальной сети – пусть заблокируют этот паблик?

– Нельзя! – пискляво от волнения выкрикнула лаборантка. Гуще покраснела, когда на нее все уставились, но неуверенно продолжила: – Закроете группу – они просто откроют другую. А от злости еще и раскидают эту чушь по всему интернету. Если этот фейк завирусится, будет хуже!

– Вот-вот, – вновь помрачнела суровая начальница. – Остается дожидаться, когда само утихнет, и не давать новых поводов, – она в который раз больно уколола меня в то же самое место. Но теперь успокоилась и направилась к выходу, напоследок бросив: – С Латовым уже связался проректор по воспитательной работе.

– Зачем?! – громко простонала я. – Зачем об этом знать Евгению?

Она отрезала:

– Пусть лучше от официальных лиц, чем от «товарищей». Если дойдет до более серьезных последствий, то нас не обвинят в халатности и игнорировании проблемы. Вы, Анна Андреевна, делайте свою работу, а мы делаем свою.

Вера Васильевна не говорила «я» – она была частью машины под названием «мы». И про какие последствия она упомянула? То есть сама прекрасно понимала, что людей в беде лучше лишний раз не беспокоить, но гнула свою линию? Лишь бы руководство вуза никак не затронуло – а остальное пусть горит синим пламенем.

Я вышла из университета, не видя ничего перед глазами. На улице заметно похолодало, но я решила использовать погоду во благо: если продрогну до костей, то и мысли должны очиститься. Пошла не сразу к дому, а свернула на шумную улицу. Едва не шагнула на красный свет, но вовремя опомнилась. А на переходе через дорогу попала каблуком в решетку водостока и слишком резко дернула ногой. Каблук хрустнул и повис на соплях. Черная машина с тонированными стеклами не сигналила, водитель терпеливо ждал, когда я сделаю несколько шагов вперед до безопасного места. Но последняя капля ударила в голову артиллерийским снарядом, и уже на другой стороне ноги стали ватными. Так, сейчас надо собраться и как-то доковылять до дома. Проклятые сапоги!

Какого черта я покупала обувь с этими гребучими шпильками? Кому и что пыталась доказать? Себе, тупой идиотке, что это удобно? Я вцепилась в ледяной металл высокого фонаря, чтобы не упасть и как-то взять себя в руки. Однако не получалось. Со мной случилось то же самое, что когда-то с Латовым: если эмоции копятся слишком долго, они в итоге взрываются от мелочи.

Обида оказалась не смешным словечком, за которое дразнят в детстве. Она большая, колючая и очень болезненная. Когда бьют ни за что – это обидно. Если ты годами держишь себя в рамках и стараешься изо всех сил, но на основе сущего пустяка о тебе делают неверные выводы – это обидно. И защититься невозможно. Даже саму себя не прикрыть, а уж бедного Латова и подавно. У меня сдавило горло, когда я представила, как сейчас этот замечательный парнишка вчитывается в каждое слово отвратительных комментариев, как недавно делала я. Если тридцатилетняя женщина не смогла воспринять спокойно, то он как отреагирует?

– Девушка, вы в порядке? Нужна помощь?

Я обернулась. Оказалось, что та самая машина не поехала дальше, а остановилась прямо за пешеходным переходом – причем в месте, где парковка запрещена. Видимо, водитель наблюдал за мной, а сейчас открыл окно и поинтересовался моим состоянием. Я кивнула – дескать, все хорошо, поезжай дальше. Неожиданно распахнулась задняя дверь, из автомобиля вышел грузный мужчина и глубоким баритоном распо-

рядился:

– Николай, поезжай. Подхватите меня на обратном пути.

– Так, может... – водителю этот вариант чем-то не понравился.

Вот только мужчина не спрашивал разрешения – он отдавал приказы:

– Езжай.

Чужое вмешательство помогло мне собраться. Стало немного стыдно за слабость и за то, что каких-то посторонних людей разволновала. Я ведь в порядке – не пьяная, не больная, сейчас этого холодного воздуха побольше в легкие зачерпну и пойду домой. Но подошедший мужчина привлек мое внимание. Он был лет на десять моложе моего отца, однако заметно солиднее: тяжелая складка между бровями портила довольно привлекательное лицо, легкая проседь в волосах не старила, а придавала ему благородной импозантности, от черного кашемирового пальто за версту несло горой денег, хотя в одежде не наблюдалось ни единого изыска.

– Ты в порядке? – он повторил вопрос, который мне уже задавали.

– Да, – я обуздала голос. – Не стоит беспокоиться!

Но он не собирался уходить, да и его машина уже унеслась. Просто продолжил, как будто его не интересовало мое нежелание общаться:

– Не помню твоего имени, но мы виделись. Мой водитель заметил, как ты споткнулась, – он указал взглядом на сапог

со сломанным каблуком, – а я присмотрелся и узнал. Давай уже, возвращай на лицо краски, а то смотреть страшно. Сейчас свернем в бутик, какие-нибудь обутки подберем, потом Николай нас подхватит и увезет куда надо.

Я отрицательно качнула головой, не имея никакого настроя сейчас поддерживать разговор или принимать помощь. Лично я с ним никогда не виделась. Такие люди обитают в иных пространствах, в плоскость моей жизни не заглядывают – вокруг него же аура богатства и власти. Вон, даже водитель не хотел его оставлять одного, подобные персоны ведь без охраны вряд ли среди простых смертных бродят. Но мужчина вообще не обращал внимания на мою реакцию, он выдавал распоряжения:

– Хватайся, как-нибудь доскачем. Ну а что ты хотела? Китайское дерьмо ломается!

Допустим, я сама минуту назад разозлилась на свои сапоги, но не разрешала постороннему давать такие определения моим вещам. Да кто он такой? Что-то в прохладной интонации и подборе слов показалось мне знакомым. Находилась я в чуть лучшем состоянии, смогла бы сопоставить. А пока пыталась противостоять этому командиру, однако у меня не было ни малейших шансов. Видя, что я в полной растерянности, он сам схватил меня под локоть и поволок ко входу в магазин. Не слышал возражений, только уточнял:

– Как звать-то?

Я с подобными людьми редко общалась, к тому же он еще

и старше. Воспитание иногда работает быстрее мыслительного процесса, потому и ответила:

– Аня.

– Замечательно, – за что-то похвалил этот таран. – Аня, ну и что у тебя случилось? Только не ври про «все в порядке». Я один раз видел, как ты на студентов прикрикнула, когда они на крыльце университета курильню устроили. Правильно, так их! Некоторые женщины от злости только хорошеют. Что стряслось, раз смертоносная единица превратилась в размазню?

Знает, где я работаю! Значит, точно видел – и именно по этой причине не смог пройти мимо. Может, из министерства? Инвестор? Отец учащегося? Он ведь ко мне сейчас не подкатывает?

Мужчина распахнул дверь бутика и сразу прикрикнул на консультантов:

– Ну, чего ждем? Видите, у нас тут авария? Есть что-нибудь похожее, но не такое травмоопасное?

Его харизма ощущалась всеми, потому продавцы засуетились, предвкушая прибыль или желая как минимум ничем не разочаровать. Понятное дело, что сам он на ценники не смотрел, но я постепенно отходила от мутного дурмана и пыталась мыслить разумно:

– Извините, но у меня при себе нет денег на дорогую покупку. – Бросила взгляд на его лицо и быстро добавила, угадывая: – И в подарок принять не могу.

– А это бренд какой-то? Я, честно говоря, не разбираюсь. – Мужчина нахмурился и огляделся. Кажется, бутик был не люксовым, но точно и не самым дешевым. Однако на этот раз богатый танкер меня услышал и еще сильнее свел брови. Затем нехотя вынул визитку и протянул: – Ладно, потом позвонишь, рассчитаемся. Тебе в любом случае нужна обувь, не босиком же ходить.

Одного взгляда на черную матовую карточку хватило, чтобы из моего рта вылетело понимающее: «А-а-а-а». Просто это было так очевидно, что невнимательность я списала лишь на свое состояние. Конечно же, Жуковский! Сын похож на отца и лицом, и поведением. И видеть Юрий Владимирович мог меня не раз: в университете часто проводились мероприятия и концерты, которые посещали родители. А этот, если не ошибаюсь, еще оборудование для компьютерного класса в прошлом году закупал – то ли меценат, то ли не придумал способа лучше снизить налогооблагаемую базу.

– Что «а-а-а-а»? – передразнил он.

Но я уже перестроилась и попросила тихо:

– Прошу, не говорите Дмитрию, что видели меня.

Это было очень важно. Если его сын слил фото и начал волну гонений, то в последнюю очередь я именно перед ним покажу слабость – ни в коем случае! Лучше сдохну, чем эту мразь повеселю. Но отец сразу сопоставил другие факты:

– Что ты иногда раскисаешь и каблуки ломаешь? Не ска-

жу. Так ты у моего балбеса что-то ведешь? Тогда и отчество говори – неуважительно как-то получилось.

Кажется, разговор становился все более нелепым. Может, у него просто такой необычный юмор? Но проигнорировать вопрос я не посчитала нужным:

– Андреевна.

– Договорились, Анна Андреевна. И это вообще не их дело – знать, что вы тоже люди. Тогда до дома не подвезем, Николай как раз за Димкой поехал. Ему кто-то тачку поцарапал, сейчас в сервисе.

Возникло странное чувство, что я в этом семействе уже какой-то незримой прослойкой присутствую, поскольку по случайности и о повреждениях машины мне было известно. Тем временем я сдалась и примерила новые сапожки – чрезвычайно хорошенькие и на устойчивом невысоком каблуке. Все же посмотрела на ценник, указанный на коробке. Тридцать семь тысяч... Не элитный бренд, но тоже не для меня. И отказываться показалось неуместным. Юрий Владимирович ведь потащит в следующий магазин – сразу видно, что сдаваться вообще не умеет.

– Вот эти отличные, – он прокомментировал как раз те, что и мне очень понравились. – Удобные? Слушай, Анна Андреевна, ну раз такие дела, то давай все-таки будет подарок. А взамен ты моего балбеса не прибьешь, если что-то выкинет.

Он пытался всучить их мне юмором, но я усмехнулась и

ответила:

– Взятка? Нет уж, Юрий Владимирович, если Дмитрий что-то выкинет, то хочу оставить за собой право его прибить.

Он расхохотался так громко и открыто, что стало не по себе. Не стесняется, не оглядывается ни на кого – если весело, то смеется. Скорее всего, злится точно так же – никто в неведении о его эмоциях не останется. И успокоился он так же внезапно, как начал, вдруг став серьезным:

– Постой-ка... Надеюсь, ты не из-за него так расквасилась? Димка у меня с характером, это факт, но вряд ли станет кому-то ДНК наизнанку выворачивать. Шею ему мылить поздно, я в двадцать два уже женился и папу слушать бы не стал, но такие вещи о единственном сыне лучше знать.

Вот и как ответить? Сказать, что подозреваю Дмитрия в организации травли? Родители часто не видят недостатков своих детей – и это даже нормально. К тому же в данном случае яблоня от яблока недалеко выросла. И тем не менее этот мужчина вызывал приятные эмоции: многие ли вот так подойдут и начнут поддерживать? Пусть он меня узнал, но делал все с отстраненной настойчивостью, с какой разумнее помогать близким друзьям или родственникам. Трудный в общении, но какой-то правильный, что ли. Будь я уверена на сто процентов в участии Дмитрия, наверняка прямо сейчас бы обо всем и рассказала. Но оговорить невиновного – это то же самое, что сделали со мной и Латовым. Потому ограничилась нейтральным ответом:

– У вашего сына нет проблем с успеваемостью. Один хвост по теме японских свечей можно не считать. Уверена, он его закроет задолго до сессии.

Юрий Владимирович неожиданно заинтересовался. Он вглядывался в мое лицо, не скрывая иронии, суть которой я не понимала. Возможно, надо было сказать «по графикам», а не использовать мудреный термин? Наконец, мужчина соизволил объяснить причину своей реакции:

– Японские свечи? Анна Андреевна, я ему первые акции на совершеннолетие подарил. Потом с ним еще и личный консультант по инвестированию работал. Да он хвастался, что этим летом удачно зашортил «Газпром» – вроде даже телефон себе какой-то на прибыль купил. Сильно сомневаюсь, что Димка не знает про японские свечи.

Почувяв какой-то намек, я вмиг напряглась:

– Вы к чему клоните?

Он продолжал смотреть с тем же подтекстом, а слова начал растягивать, отчего градус его веселья только повышался:

– Ну, у меня два варианта. Или у него в голове что-то перемешалось, или захотел именно тебе что-нибудь отработать. В свободное, так сказать, от занятий время. Ехарный бабай, а разве это не один и тот же вариант? – и снова оглушил своим слишком громким хохотом.

Еще неделю назад от подобной шутки я бы отмахнулась и тотчас о ней забыла. Но сейчас он случайно ударил прямо

в самое больное место. Поэтому я ответила с максимальной резкостью:

– Намекаете, что меня с вашим сыном могут связывать внеучебные отношения?! Да как такое в голову пришло?!

Он вскинул руки и сразу извинился:

– Прошу прощения, не хотел обидеть. Предположил наугад, ведь в нашей семье не только у меня хорошее зрение. А что у этого балбеса в голове происходит – понятия не имею. В какой-то момент дети перестают делиться с родителями. – Он театрально закатил глаза. – Забудь, я бездумно ляпнул. Но все же окажи самой себе услугу – хоть иногда выдыхай. Мне симпатичны такие правильные и сдержанные люди, ваш вид на грани вымирания. Но если не научишься расслабляться, то очень быстро истратишься.

Он так искренне говорил, что я сразу выкинула его шутку из головы и вымученно улыбнулась. Выйдя из бутика, поблагодарила и направилась в сторону – не хотела, чтобы нас увидели вместе из машины. Теперь придется взять деньги, отложенные на отпуск, потом добавить со следующей зарплаты – и позвонить Жуковскому-старшему, чтобы вернуть долг. Но, признаться честно, сожалений я не испытывала: у меня никогда в жизни не было таких симпатичных и удобных сапожек, на время и тревоги позабылись. Мне будто даже повезло: я привыкла экономить на себе, а тут буквально к стенке прижали и вынудили одарить себя чем-то приятным.

Мысли до самой ночи вертелись вокруг Юрия Жуковско-

го. Как ни крути, но проходным персонажем его не назовешь. Вспомнились охи уже позабытой любовницы Мишани, и теперь они не казались столь уж глупыми. Мужчина немолодой, но впечатляющий. Юные красотки пытаются его захомутать не только из-за денег. Очевидно, состоятельность – следствие такого уникального характера. Очень необычный. Говорит все, что приходит в голову, и не церемонится. Но почему-то те же самые качества у Дмитрия вызывают оцепенение и раздражение, а никак не восхищение. Так тому надо дать время – созреет еще, тварина уродская... Нет-нет, нельзя обвинять человека в преступлении даже мысленно, пока не узнаю наверняка! Вдруг все-таки непричастен, потом будет стыдно за эту внутреннюю клевету. Почему-то я не усомнилась в обещании Юрия Владимировича ничего сыну о нашей встрече не рассказывать – люди подобного типажа обычно не говорят того, что не собираются делать.

Теперь нашлись силы поехать в тренажерный зал и с каким-то отстраненным спокойствием пересказать историю друзьям. Спасибо, что они не накидали бессмысленных «Забей!» и «Не обращай внимания!» – подобные нерабочие советы всегда бесят. Зато обнимали, несмотря на сопротивление и визги, – показывали, что в обнимашках нет ничего плохого, чтобы у меня от этого случая травмы на всю оставшуюся жизнь не осталось. Договорились в пятницу оторваться шумнее обычного. Видимо, как раз какой-нибудь маленькой катастрофы они и ждали, чтобы слететь с катушек.

Глава 6

Я так хорошо отвлеклась, что на несколько часов забыла о Латове. Поэтому после возвращения домой сразу вошла в сеть, чтобы оценить размеры волны на данный момент. Но, к сожалению, опоздала. Евгений еще днем написал под верхним постом: «Это все неправда! Неправда, суки конченные!!!». Похоже, проректор по воспитательной работе удар смягчить не сумел. Но и винить руководство вуза сложно – эту историю не преподнесешь так, чтобы она совсем не вызвала эмоций. Несмотря на то, что я с Латовым была полностью согласна и про себя выражалась даже грубее, его истерика на потеху публике была лишней. И, как следствие, общая реакция была предсказуемой: его просто продолжали подкалывать и «вежливо интересоваться», как ему удалось уложить преподшу на лопатки. Перелистнула на его личную страницу, готовясь напечатать сообщение, но не могла придумать текст – любые слова казались неправильными. Попросить Евгения больше ничего не писать, пусть хоть не добавляет им поводов для смеха? И тогда он начнет переживать из-за того, что уже допустил этот всплеск. Спросить, как у мамы дела и каковы прогнозы врачей? Однако меня очень грубо отучили от желания проявлять сострадание. Скорее всего, этот эффект пройдет, но точно не сегодня.

Пока размышляла, открыла в соседней вкладке паблик и

бесконечно обновляла страницу, просматривая новые сообщения. И вдруг на фоне прочих, уже почти одинаковых, появилось особенное, заставившее меня наклониться к монитору, чтобы разглядеть каждую букву.

А ведь Дмитрия я до сих пор в этой теме не видела. Не знаю, он до этого дня не подозревал о происходящем или не хотел участвовать в массовке, но даже ни одного лайка не забросил в общую мясорубку. На самом деле это говорило скорее в подтверждение его виновности. Тот, кто скинул первое фото, вряд ли хочет светиться и проявлять активность. Ему или ей уже интереснее просто наблюдать за происходящим, а не привлекать к себе лишнее внимание. Поэтому первые слова от Жуковского и заставили меня насторожиться. Евгений не поленился почти под каждым постом написать «Это неправда!», и на последнее Дмитрий соизволил отреагировать следующим: «Зачем ты перед ними оправдываешься, тюлень? Пусть твякают. Так глотки рвут только из-за тех, кто чего-то стоит. Гордись и иди дальше».

Я невольно хмыкнула. Такие слова очень ему подходили – можно сказать, индивидуальный стиль жизни. Но Евгений совершенно другой! Он точно так же, как я, наблюдал за происходящим и этот комментарий увидел через пару минут, поскольку повторил, уже адресуя конкретному человеку: «Потому что это неправда!».

Наверняка теперь и сам прилип к экрану. Мы с Латовым, не сговариваясь, однозначно сейчас испытывали одну и ту

же эмоцию – жгучее любопытство, будет ли продолжение. И Жуковский не заставил себя долго ждать: «И че? Ты мнением каждого шакала интересуешься?».

Если кто и может запросто обозвать всех одноклассников и прочих студентов шакалами, то как раз этот индивид. И ведь случайно повторил мою ассоциацию со стаей гиен: окружили, подогревают друг друга и скачут-скачут, давя из себя смех. Евгений не писал очень долго – не меньше часа. И все это время я боялась хоть на секунду опоздать, если вдруг новое сообщение все-таки появится. Возможно, он обдумывал слова Жуковского слишком серьезно – или даже через невидимую паутину пытался заразиться его пофигизмом. В итоге все же напечатал – и в новых его репликах прежней истерии уже не звучало: «Ты прав. Вот пусть на меня и твякают, переживу! Но тошно видеть, как поливают грязью Анну Андреевну. За что? За то, что оказалась настоящим человеком?».

Теперь я уже не смогла бы уснуть, если бы на этих вопросах закончился их диалог. Что скажет Жуковский? Или забьет, ведь это и есть его отношение к жизни – сказал что-то и тут же забыл, раз его не касается. Впервые тщательно рассмотрела и его профиль: на аватарке очень удачная фотография – парень там в одних шортах на фоне лазурного моря, Мишаниной накачанной фактурой не похвастается, но фигура ладная, хоть и слишком худощавая. На стене какие-то мемы и приколы сомнительного содержания. Никаких фило-

софских рассуждений или чужих цитат. Разве что в альбоме я копаться не стала – вряд ли увижу что-то интересное, или позавидую количеству стран, где побывал классический представитель избалованной золотой молодежи. Интересна мне его страница была только одним – в сети он или уже отправился спать.

Но нет, Дмитрий оставался онлайн с телефона и через четверть часа снова снизошел до человека, которого сам же считал тюленем: «Твоя обожаемая Анна Андреевна вряд ли знает про эти слухи. Откуда? Ей кто-то отсюда побежит сообщать? Это же было для поржать, а не для нарваться». А потом подумал и выслал следующее: «Ну давай прикрою, нытик. Сейчас отдельным постом закину».

Сообщения из предложки должны быть одобрены админом перед публикацией, и, похоже, тот тоже внимательно следил за этим диалогом, раз поверх всех обсуждений уже через десять минут появилась новая запись: «Админ, с подписью. Про Крамскую теперь думаете молча. Вы видите, как этот тюфяк близко к сердцу принял? Если залезет в петлю, без прокурорской проверки не обойдемся. Лично мне не нужно никакого гемора в вузе, который я собираюсь закончить и забыть как страшный сон. А вам? ПыСы: Тюфяк, залезешь в петлю – урою».

И почти сразу появился его же комментарий под публикацией: «Админ, а это для тебя. Чисти стену и в следующий раз думай, че постишь. Или я вспомню, кем работает моя

любимая мама. Уверен, что тебя не достанут, если понадобишься?».

Я уже по счетчику просмотров понимала, что это шоу на сегодня перекрыло любое другое. И сообщения потекли рекой:

«А кто его мать? Прокурор?».

«Вроде у нее какая-то фирма по кибербезопасности».

«Так у него и спросите! Он же выше в ветке отметил».

«Димон, какой же ты зануда!».

А дальше мое лицо просто продолжало вытягиваться и вытягиваться, пока челюсть не рухнула на пол. Админ внял угрозе и начал удалять все посты по очереди, пока не дошел до ругательств о зачете по философии полуторанедельной давности. У меня закончились не только слова, но и мысли. Если у Дмитрия мать связана с прокуратурой или сферой программирования, то ее вмешательство чревато настоящими последствиями, в том числе и уголовными. Интернетная анонимность не защитит, если тобой займутся по-настоящему серьезные люди, – именно на это Дмитрий так явно и намекнул. И едва студенты это осознали, им перестало быть смешно. Кто-то знал Жуковского лично, кто-то о нем только слышал. И так же сообщая, как недавно накидывали на вентилятор, они примолкли. А вдруг не соврал? Или просто запомнит самых отчаянных, кто писал под своим именем, а зачем с ним связываться, если можно не связываться?

Возможно, Латов ему в личку написал «спасибо». Или до

сих пор, как и я, охреневал. Вся эта буча решалась несколькими словами? Конечно, не любой человек был способен сотворить подобную магию, но мы с Евгением получили дополнительное подтверждение, что власть, связи и деньги в нашем мире остаются главными козырями. Меня поразила даже не легкость и скорость, а само участие Жуковского. Ему стало жаль Латова? На самом деле подумал, что парень близок к тому, чтобы сломаться? Или просто надоело читать об одном и том же? Не столь уж важно. Я испытывала смесь благодарности и злости. Если он был способен прекратить гонения в любой момент за считанные минуты, то зачем дождался, когда все выйдет из-под контроля?

К сожалению, даже этот акт не доказывал его непричастность. Очевидно, что Дмитрий – не совсем прогнивший человек, какое-то сопереживание ему не чуждо. Он мог закинуть фото для смеха, но когда начался перебор, сам же волну и остановил. И если не писал первый пост лично, то наверняка видел, как нас фотографирует Мельников или Андропова, то есть без труда составил бы всю картину. Ведь нет большой разницы: наблюдал или участвовал. И в итоге отвесил с царского плеча нам помилование. Спасибо, Дмитрий Юрьевич, но обойдемся без аплодисментов и лобызания перстней. То, что ваш несладкий характер известен многим студентам – не повод для гордости. А если к тому характеру прибавить реально влиятельных родителей, то возникает неприятное ощущение полной неуязвимости. Такое скорее

пугает, потому что люди с подобным самомнением, подкрепленным козырями, способны на что угодно.

С концом истории нервное напряжение не исчезло мгновенно: я уже слишком накрутилась и долго переживала. Успокаивала себя, что на другие сайты этот холивар не должен перетечь, но вероятность все-таки была. Или же мне следовало выдохнуть, как недавно советовали, а это трудно, если не приучен расслабляться по щелчку пальцев.

В пятницу я накатила залпом три бокала вина. Мишаня очередную подружку для знакомства с нами не привел – вот насколько он ответственно отнесся к реабилитационным мероприятиям. Друзья только подбадривали: мол, ни в чем себе не отказывай, главное – смейся, а не хмурься. Лучше уж болеть похмельем, чем страдать от чужих проделок. Но барные снеки за хорошую закуску не сошли – и, как следствие, я захмелела так, что едва языком ворочала. Зато от души поругалась, не стесняясь в выражениях. Закадычные приятели меня в беде не оставили и терпеливо слушали в десятый раз мои невнятные пересказы событий последних дней.

– Какой интересный экземпляр – этот твой Жуковский, – вдруг заметила Ася.

– Который из? – удивилась я.

– Оба! – подумав, определилась подруга. – Жаль, что ты возрастом мимо и первого, и второго, а так бы мы кого-то быстренько к твоим рукам прибрали.

– Чего? – не поняла я.

Но она уже требовала:

– Покажи хоть фотку! Мы заценим!

– С Латовым? – я потеряла ход ее мыслей.

– Да нет! Страницу младшего Жуковского открой – сможешь же найти? Я б одним глазком глянула, что там вообще за перец.

Я как представила, так сразу и скривилась:

– Ну не-ет, если я и в свободное время буду эту хамскую рожу видеть, то сдохну!

На самом деле мне было лень искать его профиль. Но Асю почему-то разбирало любопытство:

– Симпатичный? Блондин, брюнет? Худой, полный, высокий, низкий?

На последний вопрос я ответила пальцами – показала расстояние большим и указательным:

– Вот такой.

Тем я подчеркнула ничтожность Жуковского, но подруга аллегорию не уловила:

– Это ты сейчас какую часть его тела показала?

Поддерживать подобный юмор, как и тему целиком, я отказалась и заняла в сторону Мишани:

– Дорогой, сваргань нам еще по бокальчику!

Но человек, которого я недавно считала лучшим другом, опорочил это гордое звание:

– Нет, тебе хватит. Устала, перенервничала, да еще и ничего не ела – вот и развезло. Сейчас мы идем дышать свежим

воздухом до самого твоего дома!

Они нарядили меня в теплую куртку, надвинули капюшон и в четыре руки повели выгуливать. Но домой я категорически не хотела. И через два квартала потащила друзей в сторону:

– Идем в клуб! Я хочу танцевать!

Мишаня скептически поморщился и предупредил:

– Слишком близко к университету. Забыла, как мы во времена учебы именно там и тусили? Не боишься встретиться со студентами?

Я ничего не боялась, потому закричала:

– А я хочу с ними встретиться, понимаешь?! Пусть увидят, что я живой человек, а не памятник имени меня! Пусть скушают с дерьмом эту правду и подавятся! Я что, мнением каждого шакала должна интересоваться?

– Не должна, конечно, но...

Однако Ася неожиданно выступила в мою поддержку:

– Мишаня, у нее нервы сдали, пусть оторвется. И даже если увидят, это разве преступление – выпить раз в тридцать лет? Совсем хорошо будет, если заснимут и фотку где-то выложат. Тогда Анютка наконец-то начнет отращивать толстую шкуру.

Быть может, это была завуалированная угроза, но я не передумала – наоборот, мне предложение показалось логичным.

В клубе все-таки уговорила друзей на коктейли, а затем

радостно крутилась в центре танцпола. Отсутствие знакомых лиц меня даже огорчило – я уже настроилась стать звездой очередного интернетного скандала. И потому целый час веселилась сама по себе, но не забывала посматривать по сторонам.

В итоге мои надежды оправдались – ближе к барной стойке обнаружился не просто учащийся, а один из тех, кому мне было что сказать! Блондинка в неприлично короткой юбке со спины очень напоминала Полину Андропову. Но я подошла ближе, дабы убедиться, что с незнакомым мне мужчиной сосется именно она. Девушка наконец-то меня заметила и повернулась.

– Здравствуйте, Полина! – пришлось кричать, чтобы на фоне грохочущей музыки было слышно.

– О-о, какие люди! Здравсьте, Анна... Ндреевна, – отозвалась она. – Думала, вы после работы в своем монастыре сидите, а вы вона че!

Повезло, что студентка накукушилась еще сильнее меня, ее дикция совсем подводила. А моей кондиции хватало, чтобы разбирать пьяные слова и не опасаться последствий своего поведения.

– Полина! Не знаю, вы сделали тот снимок или кто-то из ваших друзей, но послушайте внимательно. Это было жестоко, некрасиво и несправедливо! Можете не признаваться, мне уже плевать, но в будущем хорошенько думайте, что и зачем вы творите!

– Че-е-о-о?! – от удивления и слишком длинного звука ее лицо вытянулось. – Вы вообще о чем? – До нее все-таки дошло, она даже оживилась, хотя все равно на некоторых звуках запиналась: – Про фотосессию с б-ботаником? С какого перепуга в-вы решили, что это я?

Рядом со мной уже нарисовались Мишаня и Ася, но не останавливали, а прислушивались и пытались понять, что происходит. И, честно говоря, первое изумление девушки мне показалось естественным. Но хотелось закрыть вопрос хотя бы о ней до конца:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.